

Санкт-Петербургский
государственный
университет

ЭХО

Литературный
сборник

*Посвящается 300-летию
Санкт-Петербургского государственного университета
и 60-летию Специализированной физико-математической
и химико-биологической школы-интерната № 45
при ЛГУ — Специализированного учебно-научного центра
«Академическая гимназия имени Д. К. Фаддеева
Санкт-Петербургского государственного университета»*

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
АКАДЕМИЧЕСКАЯ ГИМНАЗИЯ ИМ. Д. К. ФАДДЕЕВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Академическая
Гимназия
имени Д. К. Фаддеева

ЭХО

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИК

ВЫПУСК V

ИЗДАТЕЛЬСТВО САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Составители:

А. А. Карцова, С. А. Данилова, О. Д. Колеватова

Рисунки:

Ю. С. Горченко

Оглавление

Анна Александровна Тишкова.....	6
Интернату 60 лет! (А. А. Карцова).....	7

Выпускники

Стефания Данилова	13
Юлия Горченко	19
Аглая Датешидзе	23
Вероника Тарбаева	26
Андрей Болибрух	27
Дмитрий Бурого	37
Николай Незговоров	58
Юрий Турунов	79
Михаил Ястребов	91
Сергей Смирнов.....	108
Виктор Царев	113
Дмитрий Ярошенко	118
Владимир Половинко	121
София Аллегрова	122
София Попова	124
Валерий Древлянский	126

Проба пера. Стихи учащихся

Агнесса Полещук	129
Никита Варавя	131
Кристина Великонивцева	132
Егор Кузин	134
Кадетова Дарья	136
Павел Каниковский	137
Василиса Лазарева	139
Лиза Сорокина	140
Амина Платоничева	142
Егор Селезнев	143
Анастасия Солодай	144
Султан Фастахийев.....	145
Светлана Шеклеева	146

Преподаватели

Анна Алексеевна Карцова	153
Надежда Александровна Башкирова	157
Смирнова Елена Анатольевна	163
Никита Юрьевич Нецветаев	168
Оксана Романовна Кныш	169
Константин Эммануилович Воеводский.....	172
Ольга Дмитриевна Колеватова	178
Юрий Новосельский	183

Стихи, посвященные памяти Геннадия Кегелеса

Памяти Геннадия Кегелеса	191
--------------------------------	-----

Анна Александровна Тишкова

Двадцатилетней девушкой в 1966 г. она пришла на работу в 45-й интернат, и с тех пор до последнего вздоха жизнь Анны Александровны была неразрывно связана с судьбой школы. 37 лет А. А. Тишкова здесь учила литературе, русскому языку, взаимопониманию, добру и милосердию. Анны Александровны нет, но есть ее многочисленные ученики, в судьбе которых так многое она определила, есть первый поэтический сборник ФМШ-45 «Эхо — 93» — светлый и пронзительный. Именно Анне Александровне принадлежит идея создания поэтического сборника «Эхо»

Войдя сейчас в знакомый класс
Оставьте след свой на бумаге.
Чуть-чуть души на память вам и нам
И будущего ради.
Пусть белый или акростих
Пусть проза или посвященье
Пусть просто рифма
Мысли штрих
Во имя братства, в день рожденья.
Затем цветным карандашом
Круг мыслей в цвете очертите
Чем живы вы и кто вы есть
Что мило вам, чего хотите
Свой крест достойно пронесите
Бог вам в помощь всем.
Творите!

Интернату 60 лет!

Перед вами очередная сборник стихов тех, кто так или иначе причастен к университетской школе — Академической гимназии СПбГУ (физико-математическому и химико-биологической школе-интернату № 45 при Ленинградском университете). Эхом перекликаются стихи выпускников 70–90-х годов XX-го века с нынешним поколением учащих Академической гимназии XXI-го века.

...Мы есть! Нас тысячи звучащих
В едином хоре бытия –
Все те, кто к школе был причастен,
Питомцы и учителя.

*(Баширова Н.А.,
преподаватель географии).*

60 лет университетской школе! Много или мало?!

Много, если учесть, сколько всего вместились в эти годы. Повзрослели авторы первых сборников, но стихи их не покинули. Кого-то, к сожалению, уже нет (*Юлия Горченко, Андрей Болибрук, Юрий Турунов...*), но одноклассники прислали в этот сборник их стихи.

... Я верю в чудеса, как верят в жажду,
Я верю в бесконечность, в невозможность.
Я так люблю поющее пространство...
Его непостоянства непреложность...

(Юлия Горченко)

Анна Алексеевна Карцова

...Сосен суставы
Скрипят, как ставни,
Как старый поезд
На полустанке.
...Поголубели от неба лица,
В такт скрипу сосен
Запели птицы,
В такт скрипу — медленно
И ритмично...

(Болибрук Андрей)

...Судьба? Провидение? Фатум? Рок?
А может быть, просто случайность нелепая?
...Такси пожирает сплетенье дорог,
За радугой мчусь одержимо и слепо я...

(Юрий Турунов)

И, значит, они есть. Они с нами!

Так много сохранило и связало гимназическое братство:
«...По взгляду и рукопожатью мы, вас не зная, узнаем». И, конечно,
немало теплых строк обращено к своей школе, где бы она не находилась:
на улице Савушкина, пер. Каховского, Собственном пр. д. 1,
в Петергофе

...Мы приезжаем в Ленинград
И с чемоданом в интернат
Идем по Савушкина-street....
... Но твердо помни ты и знай,
Что годы лучшие твои
Здесь, в стенах ФМШ прошли,
Ее не забывай!

(Юрий Турунов)

... Путь на Собственный проспект
Уж проложен много лет
Эти стены помнят смех,
Радость от больших побед...

(Платонычева Амина)

или

...В нас школа укрепила увлечение,
Вселила дух победы и кураж

(Сергей Смирнов)

И этот славный сюжет можно продолжать и продолжать:

...По выпуску идут года как день.
А каждый день в гимназии был годом.
Счастливым. И отброшенная тень
Моя, как часовой, стоит у входа.
...Здесь учат никогда не падать ниц,
Не прогибаться под походкой века....

(Стефания Данилова)

«Эхо» объединяет времена и поколения, возвращает тот удивительный мир, откуда родом все авторы этого сборника. И неважно, кто они: физики, химики, биологи, математики? Они слышат друг друга, потому что их душа наполнена поэзией. Так было, и так продолжается.

...Я — интерес, я — мир головоломок,
Попробуй всё во мне уравновесь!
Я — физик, химик, астроном, биолог.
Среди единомышленников здесь.

(Сергей Смирнов)

...Мне кажется, поэт сродни Родену
И должен всё излишнее отсечь,
Отшлифовать — как выжать непременно
И воду, разбавляющую речь.
И в этом есть поэта Божий дар.
Он дал ему, другим — другое дал...

(Николай Незговоров, выпуск)

Отдельная стихотворная рубрика посвящена памяти Геннадия Кегелеса, имя которого навсегда вписано в историю этой школы: спасая учительницу, погиб сам.

Анна Алексеевна Карцова

...Миг — и гитара летит об землю,
высшие силы, наверно, дремлют,
мальчик стрелою несет спасенье,
речка уносит его с собой.
Все, что являлось когда-то ценным,
продано меньше, чем за бесценок,
и воцарилась немая сцена...

(Стефания Данилова)

А еще стихи о прекрасном школьном прошлом, которое осталось
в настоящем, об учителях (*наши Боги!*), друзьях, Петербурге.

... Петербург бесконечен — взглядишь в анфиладу колодцев.
Взгляд скользит, замирает и вот уже хочет присесть.

(Ястребов Михаил)

и, конечно, о любви

...Листья жёлтые всё падают и падают,
Ветер волосы мне путает и мнёт —
На скамейке Александровского сада
Жду с надеждою, что всё-таки придёт...

(Юрий Турунов)

о постоянной потребности разобраться в себе, понять себя. Это
тоже в стихах авторов «Эхо».

...Ведь чувства — это не пожар,
Зачем тогда их тушат?

(Варава Никита, 8-ой класс)

Какие стихи напишут еще нынешние юные авторы «Эхо»?! Впе-
реди большая дорога.

Продолжение следует!

Анна Алексеевна Карцова,
*преподаватель химии АГ СПбГУ —
45-й физ. мат интернат при ЛГУ; профессор СПбГУ.*

ВЫПУСКНИКИ

Евфратия Данилова

Выпускница 11 «И» 2010 г. Поэт, ментор, журналист,
деятель культуры. Поэзия привела её ко всем людям,
событиям и городам.

КРОМЕ ЛЮБВИ, НАС НИЧЕМУ НЕ УЧИЛИ

Однажды я нашла фиолетовый блокнот одноклассницы, Лизы Губановой, и зачиталась стихами оттуда. Помню строку: «В аркаде будней я пройду все преграды». Строки, написанные левой рукой, пахнущие каким-то кремом или шампунем. Блокнот я вернула, но его мягкое тёплое ощущение в руках осталось... Помню, как Лена Чудакова давала мне почитать свою тетрадку со стихами — конечно же, о любви. Конечно же, наивными. Но для меня они были тогда прекраснее всего на свете: мне доверили душу. Я восхищалась Леной, она была идеалом для меня тогда. Долго у меня хранились и старые стихи Ярославны Шеметевой, правда, потерялись с очередным переездом...

Стихи моих сверстников, увы, не попали в альманахи. Для меня большая радость и честь быть причастной к новому выпуску «ЭХО», потому что именно первому попавшему мне в руки зеленому мятому сборнику «ЭХО» я благодарна своему желанию стать поэтом. Не оставить это вялотекущим хобби на тетрадных полях, на обочине своей жизни. А сделать это своей силой, своим миром, своей судьбой. Свои стихи я почти никому не показывала в 13–14 лет.

Кроме официальных, на юбилеи школы и другие праздники. Но они уже тогда определили мое будущее. Подозреваю, что четверку по алгебре дорогая Елена Николаевна Васякина поставила мне не за мое судорожное списывание — все она понимала. Как и то, что я вырасту явно не математиком. Я сделала ей открытку со своим стихотворением — что-то про асимптоту преград... Честно, до сих пор понятия не имею, что такое асимптота. Но с Еленой Николаевной мы дружим до сих пор. Физик, увидев, что я на контрольной считаю ворон и пишу стихи, просто поставил мне пять, не комментируя. Спасибо ему.

Лизы, Лены и Ярославны в этом сборнике, к сожалению, нет. Но я хочу рассказать о них в этом предисловии. Быть может, они прочтут его и поймут, что это знак Вселенной, и новом «ЭХО» обесмертят свои тексты. Серьёзно, это были лучшие строки. Лучшее время. Лучшие люди. У каждого АГшника плюс-минус одна судьба: лучший в своей школе, окраинной или провинциальной, скорее раба душа, чем душа компании, и часто — белая ворона, и с шансами — маленький демиург. И пусть основной деятельностью каждому стало что-то своё, всех АГшников объединяет то, что они пишут... не разрушительные стихи. В них много любви. Потому что, кроме любви, нас ничему не научили. Нас не учили стыду, презрению, ненависти и слабости. То, как обошелся со мной физик или учительница алгебры — это тоже любовь. Отеческая. Понимающая. Зарубить дарование ребенка — проще простого. Спасибо вам, дорогие наши наставники, что поддержали, поняли и приняли — нас всех — такими, какие мы есть. Что не пытались переделать, ломая. А хотели лишь — укрепить наши корни, прокачать наши крылья и подарить всё это огромное бесконечно синее небо со всеми его путеводными звездами...

*N*ic tuta perennat

Мой дом и тыл. «Nic tuta perennat», —
гласит латынь недремлющим у входа.
Придя сюда, я поднимаюсь над
собой самой на этажи, на годы.
Из класса в класс, с экзамена — на тест..
пять лет как эти пройдены основы.
Но antiquus amor cancer est*,
поэтому я возвращаюсь снова
в прекрасный и разноголосый хор
сородичей по разуму и стати.
Искать своих Эвтерп и Терпсихор,
забыв о цифрах в старом аттестате.
Смотри, как побегут из-под пера
за буквой буква; и за цифрой цифра,
так быстро и легко, как детвора
бежит в тепло от улицы, где сыро.
Здесь магия. Здесь пре-вра-ща-ют-ся
Утята — в лебедей, ростки — в деревья!
Гимназия — за мать и за отца,
за всех, за всё... Запомни это время.
По выпуску идут года как день.
А каждый день в гимназии был годом.
Счастливым. И отброшенная тень
моя, как часовой, стоит у входа.
Мой дом. Мой тыл. Nic tuta perennat.
Гимназия моя. Твоя. И наша.
Птенец покинет сень родных пенат,
вернувшись в них душою не однажды.
Здесь учат никогда не падать ниц,
не прогибаться под походкой века.
Я — та скала, что вытесала из
себя самой живого человека.

*Старая любовь долго помнится (лат).

Так вытешешь и ты. Так выйдешь ты
из этих стен живым и непредвзятым.
Какой ни разменял бы ты десяток,
ты пронесёшь в душе своей цветы,
посаженные всеми, кто здесь был,
вещая и рассказывая, ибо
Nis tuta perennat. Наш дом и тыл.
И скажешь ты. И я скажу: «Спасибо».

*А*удитории, пары, конспекты, движ.
Вот и вода на круги, just make a wish.
Между учить и учиться — полет и рост.
Нет, нет, не яма — мост, нерушимый мост.
Снова на парах, как будто кадр переснят,
Снова мне что-то приходится объяснять,
Но студбилета или зачетки нет.
Люди бывают старше на много лет.
Кажется, что им слушать в моих речах?
Если эйджизм и был, то давно зачах.
Что за окном — Питер или Москва —
Все, что преподаю я, одни слова.
Мой мир как текст, любимый мой текст как мир.
Чтоб не слететь с катушек в плену квартир.
Плотно закрыть глаза на летящий снег
И оказаться в выдуманной весне.
Можно сказать, что я иллюзионист.
В каждого смотрит пристально чистый лист,
Текста желая, что выведет вон из тьмы.
Аудитории. Пары. Конспекты. Мы.

18.01.2024

Сойти бы на остановке после детсада.
В тетрадке — «Дано», в учебнике — «Chapter One».
Ждёт в «Казаках-разбойниках» лишь засада,
а от папы все монстры прячутся под диван.
Ты свято веришь: взрослые всемогущи,
перед зеркалом стоя на маминых каблуках.
Бабушка учит гадать на кофейной гуще
и не скоро еще уедет на облака.
...Можно бесплатно пойти на второе высшее,
Дуолинго скачать и выучить языки.
Остановка, на которой никто не вышел,
солнечным бликом исчезнет с твоей руки.

1.10.23

А свобода — это не знать маршрута,
под ногами дорога, ни карты, ни джипиэса,
я прилетаю в Питер не ранним утром,
и мои слова наконец не имеют веса.
Прогуляюсь со всеми, кого так давно хотела
видеть, но с кем это более не взаимно.
Нарисую им настроение, голос, тело,
Нам не туда, где торжествует Зимний.
А туда, где мой старый дом и первая школа,
Мы выходим из спячки, щуримся, как сурки.
От весеннего воздуха, света и кока-колы,
как на пьянке, развяжутся языки.
А свобода — это гулять вообще с кем захочешь.
Даже с тем, кто отменил тебя, как концерт.
А он случается в баре подпольном ночью,
И все те же хиты играют в его конце.

2023

*М*еня не научили быть никем —
я прогуляла этого уроки.
Не мне, не мне застыть иглой в пороге
и яблоком, забытым в рюкзаке.

Возьми меня — да хоть бы сухарем —
в дорогу, на привале разгрызая.
Мы договор пожизненного займа
друг друга, мы вовеки не умрем.

Я быть умею сном, умею солнцем,
я — алкоголь и я же — абсорбент.
Но собери консилиум, консорциум,
как избежать меня — ответа нет.

Упрямо вижу белый там, где черный-
пречерный снег былых обид и бед.
Мой взгляд ложится на него как бинт.
Я не умею быть не вовлечённой.

Не левый человек и не никто.
Впусти меня, я буду самой нежной.
И я повешу на крючок пальто —
не белое, а синее, конечно.

12.04.2024

Юлия Торченко

Выпускница 1990 года. Оформитель всех сборников ЭХО.
В 2019 году Юлии не стало с нами. Но есть ее сообщество
ВКонтакте «Мандариновые сны» <https://vk.com/club158387017>

ИЗ РАЗМЫШЛЕНИЙ

Я верю в чудеса, как верят в жажду,
Я верю в бесконечность, в невозможность.
Я так люблю поющее пространство...
его непостоянства непреложность,
Я так люблю
цветущие деревья,
Цветущее,
вздыхающее Пламя...
Я чувствую дыхание рассвета,
Над горизонтом блещущее
Знамя.

Стоишь на берегу реки.
Вода прозрачна и прекрасна,
Глядишь, как носятся мальки...
И будто чувствуешь, как маски
Спадают — больше нет игры.
Стоишь на берегу реки...
Внутри тебя необъяснимо
Порхают целые миры:
То вереницы пилигримов,
То в непроглядной темноте,
Раскрашены акваарином,
Поют созвездья в вышине
И улыбаются дельфины.

АКРОСТИХИ

Все мы сегодня тебя поздравляем
И много здоровья и счастья желаем,
Классных, веселых, надёжных друзей,
Ярких, счастливых и радостных дней!
Лучшие книги, фильмы и игры,
Искренне снежные белые тигры,
Хитрые лисы из Синей Норы,
Абракадабра из Древней Игры,
Центром возникнут в сплетении снов,
Красных закатов и белых котов,
Ангелов светлых на книжной странице,
Ярких и добрых стихов вереницы.

*М*лечный Путь освещает дорогу,
Если веришь в большую Мечту,
Даже в самые тёмные грозы
Видишь цель и идёшь в пустоту,
Еле-еле тропу разбирая.
Дикий край окружает, но вдруг...
(Если только мелодию помнишь,
В своём сердце лелеешь звук) —
Алым светом окрасятся горы,
Светлый день воссияет тотчас:
Арфы Ангелов верить помогут,
Шаг за шагом к родному порогу,
А у дома оркестр встретит нас!

МУЗЫКА ВСЕЛЕННОЙ

Я исполняю музыку по рифмам.
Я исполняю жизнь свою по рифмам.
Я доверяю одеяла грифам,
Которые на скалах чертят грифом.
На жизнь свою в зеркальной колеснице
Гляжу сквозь запотевшие глазницы,
И то, что мне не снится,
Мне не снится,
а в поднебесье улетают птицы.

Январь 1996г.

ЛИСТЬЯ

*К*огда вокруг светящиеся листья,
Корона падает с легким звоном...
Корона падает листопадом.
А я лишь листья на ветру,
Лишь листья...
Лишь листья со светящеюся кожей.
Я только листья в лабиринте жизни,
Я таю в лабиринте листопадом.
Я только листья, только листья,
листья...

Аглая Дамешидзе

Выпускница общеобразовательного класса АГ СПбГУ
1998 года. Психолог, поэт.

*К*огда сгорят мой дом и двор дотла
И выглянет наивная погода,
Раскинет синей юбкой два крыла
Большая птица — берегиня рода.

Она не знает жалости и зла.
Она глазами выживших отыщет.
И будет в каждом пёрышке цела
Со мною танцевать на пепелище.

А я нема. Немее немоты
Между мирами. Призрачным и старым.
Пусты ладони. И слова пусты.
Как сердце меж ударом и ударом.

Проснулось сердце. Небо проползало,
Цепляясь, застревая над землёй.
Проснулось сердце. Ночи было мало!
И мало песен, спетых мне тобой.

Проснулось сердце и не разбирало,
Кому поверить, на кого смотреть.
Проснулось сердце, что любви не знало,
Но вдруг открыло, что умеет петь.

1997

Этот город надевается как плащ.
Чуть поношенный, с промозглой хрипотцой.
И белеет посреди трущоб и чащ
В нем по-питерски усталое лицо.

Улетала, улетала, как стрела.
Находила сотни благодатных мест.
Но за тридцать пять проститься не смогла
С балюстрадами и парком, что окрест.

С переходами, что вдоль и поперёк,
Пронизали сердце трубами утрат.
Из поэтов, говорят, никто не смог.
Даже если нет для них пути назад.

Моё лучшее происходит неслышно
Без свидетелей, криков, аплодисментов.
От моментов смысла и до моментов.
Не отвечай мне, что это странно...
Будто знаешь, о чем говорю с экрана.
И с тобой в унисон мы дышим.

Моё лучшее происходит без смысла.
И уж, конечно, без ясной цели.
Мы с тобой не знакомы на самом деле,
Долеет в твой дом из другого дома
То, НАСКОЛЬКО МЫ С ТОБОЙ НЕ ЗНАКОМЫ.
Даже если читаем мысли.

Моё лучшее... Ты не сердись, пожалуйста,
Не доступно учёту и перебору.
Распечатке, чтению и надзору.
Не нуждается. Ибо само причина.
И ребёнок, и женщина, и мужчина.
Моё лучшее то, что я НЕ сказала.

Я никогда не смогу подобрать слова,
Чтобы поведать насколько душа прекрасна.
И как она мудра. Как опять права.
Что недоступно глазу, то видно ясно
Сверху и изнутри. А мои глаза,
Как и моё сознание, близоруки.
Им недоступна мудрость того что за...
За поворотом кажущейся разлуки.
Им недоступно в сумерках января
Просто увидеть дальше чем кончик носа.
Только доступно плакать, благодаря,
Что у души нет сомнений и нет вопросов.

Вероника Старбаева

Выпускница 1977 года, д.б.н., проф., член-кор. РАЕН, академик РЭА, председатель Центрального совета Межрегиональной общественной организации «Природоохранный союз»

*Н*аступает бодрый вторник,
Он ветрам весёлым вторит!
Выходи-ка погулять!
Ах... какая благодать!
Листья жёлтые алеют,
Вечера от них хмелеют,
Мы пройдемся по аллее,
Будем нежностью дышать!
В этой нежности осенней
Лучик солнца — вдохновенье...
Листопадное варенье
Очень любим мы вкушать!
Клёны в парке светофорят,
И зовут нас в красок море,
В этом радостном просторе
Осень дивно хороша!

17.10.2023

Андрей Болибрух

Выпускник 1967 года — золотая медаль.

Доктор физико-математических наук. Академик РАН. Лауреат государственной премии РФ 2001 г. Лауреат премии им. М. А. Ляпунова (РАН). В конце 2003 года вышла книга А. Болибруха «Воспоминания и размышления о давно прошедшем». Это воспоминания о годах учебы в Ленинградском ФМШ и МГУ, и стихи, написанные в юности. К сожалению, автору не удалось увидеть эту книгу при жизни. А. А. Болибрух умер 11 ноября 2003 года в госпитале Парижа в возрасте 53 лет.

ВЕЧЕРНИЕ ОБЛАКА

По небу плывут отпечатки столетий,
А время — летнее, воздух — летний,
А век — двадцатый, но надо ж случиться:
Плывут рептилии, первоптицы.
Наверно, в зеркале небосвода
Себя рассматривает природа
И хочет сгладить морщины столетий,
Ведь время — летнее, ведь воздух — летний!
Но видно — осень. Но скоро — осень.
Наверно, это она наносит
Узоры древних воспоминаний
На небосвода тугие ткани.

13.08.1971. Баку

ОСЕННИЙ СОНЕТ

Стон осени еще в ушах стоит.
Он был сначала стаей журавлиной.
Вонзаясь в небо журавлиным клином,
Он был, казалось, с этой стаей слит.

Затем он лег на сырость темных плит,
Листвой опавшей на асфальт Неглинной.
И резкий крик. сменился нотой длинной,
В которой крик. не кончился, но спит.

И с чистой нотой тихого страданья
Осеннее природы увяданье
Напоминало погруженье в сон.
Но сон звучал, и я в изнеможеньи
Избавиться хотел от наважденья.
Но время шло, и не кончался он.

28.11.1971. Покровка

Трусть рябая —
Гроздь рябины.
Значит, осень.
Значит, в спины
Шепот листьев —
богомолок.
Значит, холод.
Холод колок,
Холод тысячью иголок
Руки жалит.
Ветер сносит.
Значит, осень.
Сердце сжали
Темные веревки просек —
Осень.

28.11.1971. Покровка.

*В*се плыло и качалось, и сам старый год,
Отражаясь в зернистых икринках канала,
Уплывал и качался, и времени плот
Ударяло о дни, о секунды трепало.

Все плыло и качалось в кривых зеркалах,
Уходящего года смещались понятия;
И фигурки влюбленных на темных углах
Превращались в кровавого цвета распятыя

Все плыло и качалось, и времени ход
Подтверждал неизбежность такого финала,
Отражаясь в зернистых икринках канала
Как разбитый, истрепанный бурями плот.

26.01.1972. Москва

ВЕСЕННИЙ СОНЕТ

*Т*акая тихая весна.

И даже музыка капли
Меня волнует еле-еле
Сквозь сон едва-едва слышна.

Грудная клетка не тесна,
И беспричинное веселье
Не бьется теплой жилкой в теле
Моя душа во власти сна.

Во власти долгой зимней спячки
Увяли чувства и мечты —
Они в руках у нищеты.

Моля у разума подачки,
Они то пляшут, как собачки,
То тянут жалкие персты.

14.03.1972. Покровка

КРЫША

*Р*ыжая, ржавая крыша
Видом не вышла.
Кто посещает старую крышу?
Птицы да мыши.
Был и у крыши
Солнечный блеск,
Да весь вышел.
Новые крыши
Красивей, стройней, выше.
Вечером с крыши
Кошачий концерт слышен.
Слушает старая крыша
и чуть дышит.
И засыпает под крики котов крыша,
Диких, облезлых и точно таких же рыжих.

13.10.1972

ЛЕТНИЙ ДОЖДЬ (СОНЕТ)

*С*начала вздрогнет и заплачет,
Чего-то испугавшись, ива;
И дождь пригоршней чернослива
Запустит в маленькую дачу.
Затем, чуть подождав, проскачет
Скороговоркой, торопливо,
Веселый и нетерпеливый
Полк первых пропыленных капель.
И только после, в вышине
Разрежет молнией полнеба,
Пригнет к протопленной земле
Намокшие колосья хлеба.
И ливень, нудный и унылый,
Запричитает с новой силой.

25.02.1974

Здесь зелень до небес, здесь часто по утрам,
Запутавшись в непроходимой чаще
Дремучих зарослей из клевера и трав,
Израненное солнце тихо плачет.
И капельки росы — лишь пот смахнёт палач —
Ложатся на траву, на лезвия осоки
Под похоронный комариный плач,
Под солнца обескровленного вздохи.

Май 1974. ВГБИЛ

СМЕРТЬ БЕРЛИОЗА

Правая рука — хрясь!
Левая рука — хрясь!
Голова Берлиоза — в грязь!
Ужас.

Тут и Аннушка с маслом,
И Бездомный с Пегасом,
И рабочая масса
В блузах.

Не дожил к Первомаю,
Переехан трамваем.
Мы с Коровьевым знаем:
Воланд.

Хулиган с портсигаром,
Рукоять до упору,
Смотрят очи с укором —
Поздно.

Правая рука — хрясь!
Левая рука — хрясь!
Голова Берлиоза — в грязь!
Ужас.

МОРЕ

Когда кипящею струёй
На море ляжет позолота,
Из поднебесного киота
Уходит солнце на покой,

Когда созвучна с тишиной
Луны тоскующая нота,
Земля рукою Дон-Кихота
Преображает облик твой.

О, если б морю сохранить
и эту золотую нить,
И толстые седые пряди
В своём языческом наряде,
И в брачном утреннем обряде
Ночные звёзды утопить.

СОНЕТУ

Сонет влечет меня своею красотой,
Своею первозданною природой,
Где первых строчек медленные воды
К озерам слов приходят на постой.

А озеро подернуто слюдой
Красивых фраз, но ветреной погодой
Слюда крошится, обнажая броды
И омуты с бездонной глубиной.

А в омутах созвездья лучших мыслей,
Как цепь икринок, на строках повисли,
А в омутах чем глубже, тем темней.

Там темные провалы подсознания,
Там образы и мысли без названья,
Могилы слов и отзвуки теней.

Сонет похож на аромат цветка.
Волнообразно аромат струится,
С порывом ветра обжигая лица.
Неполных строф четыре лепестка,
Тычинки рифм не опадут пока,
Заковано в пожизненной темнице
Поэта сердце не устанет биться.
Но жизнь поэта слишком коротка.
Но жизнь поэзии, как время, бесконечна.
Поэзия была и будет вечно.
Освобождаясь от земных теней,
Она четыре лепестка сонета
К последнему пристанищу поэта
С печалью затаенной принесет.

ЮРМАЛЬСКИЙ ЦИКЛ

СОСЕН СУСТАВЫ

Скрипят, как ставни,
Как старый поезд
На полустанке.
Скрипят-поскрипывают
Не так, как скрипка,
Скорей, как галька,
Не музыкально.
Скрипят-поскрипывают,
И в скрипе сосен
Нас вместе с ними
По ветру носит.
В такт скрипу — плавно,
Как в колыбели;

Глаза от неба
Поголубели,
Поголубели от неба лица,
В такт скрипу сосен
Запели птицы,
В такт скрипу — медленно
И ритмично;
Смешав с прибоем
Напевы птичьи,
Проносит ветер
С сосною вместе
Меня по летнему
Поднебесью.

ВЕТЕР

*М*о он трется щекою о ствол сосны,
Как котенок, играет среди листвы,
То, ломая сухие сучья,
Бьется в судорогах падучей.

Как он нежен, приветлив, как боязлив,
Как он гладит шершавой рукой залив,
Как ласкает ржаные ости.
Как он страшен в припадке злости!

А приходит похмелье или тоска —
Он угрюмо играет среди песка,
Создавая за смерчем смерчи,
Насторожен и недоверчив.

ОСЕНЬ

*К*огда радость жизни идёт на убыль,
и деревья начинают задумываться о смерти,
приходит осень — религиозная фанатичка
с требником в руках.
Она напяливает на притихшие деревья
золотую поповскую рясу,
и толпы унылых священнослужителей
заполняют рощи и перелески.
Их монотонные молитвы, перемежаемые стоном
и плачем, день за днём
птичьими стаями уносятся к небу.
Толпы страждущих.
Но только осина и ясень стоят великомучениками.
Их канонизировали.

5.09.1974. Рига

АКРОСТИХ

*Б*езумен я, не скрою,
Особенно весною.
Ложится зелень на поля,
И вместе с ней душа моя
Безумствует порою.
Расплескивая влагу снов,
Уходят мысли в стан врагов,
Храня равнение, строим.

А после них в душе разброд:
Надежда переходит вброд
Дороги подсознания.
Рассудок прячется в тоске,
Ершистый, хилый как аскет,
И плачется сознание.

20.10.1974

*В*аши предки, наши предки
На одной качались ветке.
Кто затем спустился в клетки,
Кто в НИИ на табуретки.

Мы теперь, прищурив глаз,
Мучаем своих собратьев.
И грызут решётки, прутья
Слезшие чуть позже нас.

Вы в Сухуме на посту
Рядом с братьями от века.
Мы в Москве, покрытой снегом,
Держим марку человека —
Мечниковский институт.

31.08. 1977

Дмитрий Бурого

Выпускник 1981 года. Математик, литератор, художник

ЗИМА И ВЕСНА

*Н*е знаю, как тебя зовут,
гадать, боюсь, напрасный труд,
хотя, быть может, даже Герда?
Да ты совсем озябла тут.
Такая нежность — грудь распёрта,
а твой не благосклонен суд.
Совсем замёрз заросший пруд.
Ты смотришь хмуро с недосыпа.
Грустя, оделась в иней липа, —
и кончики ресниц блестят,
в зрачках по несколько чертят,
и что ни скажешь невпопад,
и про эклер, и про котят,
прекрасней даже снега скрипа,
под коим прячется весна,
проснётся жаба ото сна,
кузнечик в гости к ней придёт,
свой граммофончик заведёт,
лишь солнцу растопить бы лёд.
а сердце растопить твоё
мне не судьба, совсем не тот,
и мне весной не повезёт,
моё унылое жильё

норе крота вполне под стать,
а всех богатств — мои года,
угрюм, неловок и простужен,
кому такой, скажите, нужен,
на одного готовлю ужин,
ещё один никчёмный год,
и даже имя не узнать,
и ласточка, влетев под свод,
не прошебечет тихо «да»,
но вижу, чуть глаза прикрою,
как ты светла и молода,
такой останешься всегда,
чудесной, пусть и не со мною,
и да обходит стороною
тебя беда.

ИКАР

(весенние стихи)

*Б*езадресная жизнь — из кар злосчастней прочих.
Надменностью, с какой в той высоте парил,
заслужена вполне. Остался только прочерк.
На кисточках застыл, их погубив, акрил.
Зачем Дедал не дал на плавком воске крыл?
А впрочем, океан уже почти накрыл.
Готовлю сам себе креветки и сашими.
Как авокадо ком стал горла поперёк.
Мечтами уж не жить — какими там большими.
Больной усталый шут в потрескавшемся гриме,
один в своей норе лысеющий хорёк.
Возиться не хочу: есть таз, раз кран потёк.
Унылая пора. В очах лишь резь и слёзы,
и буковки рябят, и на холсте мерзки
ненужные мазки. Смешны любые позы

у не пробившей лёд форели иль трески.
Не стоят ни стихов, ни даже тесной прозы.
И только небеса приветливо близки.

Весной не забывай, что там, за летом, осень,
и, если доживёшь, смертельная пора.
И Баратынский прав: что сеем, то — не косим.
Тем более не жнём — в чём разница, прикинь.
Не радуется давно распахнутая синь.
Не соблазнит меж туч насупившихся просинь;
а если наяву — то присказка стара:
не вспомнить ввечеру, что грезилось с утра
вчера.

ДРУГАЯ ЖИЗНЬ

Зачем здесь ландыши, на узкой полке, слева
от утлой баночки с корицей и гвоздикой?
На фоне книг, из коих каждая, как дева,
но растворяется в их чередности безликой?

Не создают, дразнясь, уют, и зазря тут:
их много в местности овражистой окрестной.
И завтра, грустные, пожухнут и увянут,
но в колокольцах их беззвучный звон небесный.

Так долго в зеркале мерцает облик милый,
она ж ушла уже и больше не вернётся.
Цветы -- как сны: наделены минутной силой,
и ненавязчиво поют мне колокольца.

ПТИЦА

Н. М.

Если чудом я выйду когда-то ещё из дома,
мы поедем к Чёрному морю на пару дней.
Слиться с близкой далью, до боли она знакома.
Но, признаюсь, поездок я не люблю длинней.

Иль пойдём за грибами, конечно, я — с палкой-тростью.
Будет запах смолы, нагибаться мне будет лень.
Будет лес, словно мир, мы окажемся мира осью.
Будет мох, мы устанем, присядем на *чахлый* пенёк.

Иль махнем, но нет, не в Париж, он того не стоит.
Например, в чужой, разноцветный, живой Китай.
Или в тундру, где ветер тревожно воет.
Или просто на озеро. Только зря не мечтай.

Ведь таким мечтам почти невозможно сбыться,
и судьба надо мной висит, как на ветке рысь.
Но, и чуя гибель, всё машет крылами птица,
для чего-то стремясь бессмысленно в даль и высь.

ДО И ПОСЛЕ

Оглядываться тяжело, увы:
всё больше тех, кого уж нету с нами.
Ушедших всюду: на берегах Невы,
да и не важно где, да бросьте вы!
Не радует меня конец главы:
живу совсем один, и только снами.

Как многое подобно миражу:
едва слегка поближе подхожу,
оно бежит куда-то без оглядки.
Но лишь через плечо я погляжу,
за мною гонится, кусая злобно пятки,
а дальше вновь играет подло в прятки.

Да ладно, ладно, мир и до меня
прекрасно жил, я не страдал ничуть.
Зачем мне крови чёрная возня?
Нелепица, и места нет надежде.
Какую птицу смерти мне вспугнуть?
И будет всё, и без меня, как прежде.

ЛИСТВА

*Т*ы слушай шум листвы, в нём целый мир и больше.
Там есть и слов набат, что вдруг бывает песней.
Не нужно отдыхать на Мальте или в Польше.
В грозу ли, бриз иль шторм — нет ничего чудесней.

И мир мне ни к чему, в том шуме — все слова.
Бегущей по волнам расслышишь парус тоже.
И каждый миг опять вселенная нова.
Дорога в никуда там подвести не может.

Закрой глаза, шепни желание любое.
Там золотая цепь, на ней — морская соль.
Горит окно, и рук там не разнимут двое.
Там смотрит долго вдаль на берегу Ассоль.

И там конец главы, и все сильнее смерти.
Конечно, «Вас любил...», «Очей очарованье».
Вы верьте только ей, и вовсе мне не верьте.
Там есть Париж и Лувр: любое изваянье.

Вселенная нужна, чтоб были дерева.
В них звезды и луна блестит в разрыве тучи.
Они — большой орган, и все что есть слова.
И бурный океан, далёкий и могучий.

Вы слушайте листву, зачем вам что-то больше...

Дмитрий Бураго

КОМЕТА

К Мери

То выход в сад из спальни,
в городок провинциальный,
чуть растерянный, печальный,
но, в смятении чуть-чуть,
оглянуться не забудь
на мирок родной и дальний,
отправляясь в безрассудный,
незнакомый, но не трудный,
разве слишком многолюдный
странный путь,
длинный путь,
дальний путь.

Ничего я не прощаю,
ибо нечего прощать,
но одно лишь обещаю:
нас совсем не долго ждать.
Не умела вовсе лгать,
да совсем не в этом дело,
никого не предала
до последнего предела
никому не сделав зла
груз нелёгкий пронесла
за болотистую гать,
еле слышен плеск весла,
ах, кувшинок собрала,
им, конечно, несть числа,
несть числа.

И кого призвать к ответу?
Только больше боли нету,
и теперь уж смело к свету
между белокрылых стай,
представляй себе комету,
пусть ноябрь, а не май,

ничего не забывая,
в дивный край,
улетай,
улетай,
улетай.

ГРОЗА

Н. М.

Здесь нет моей мелодии и слов.
Лишь то, что в форточку гроза, шаля, надула,
подслушал я, и сей напев не нов.
Как жизнь — не дольше школьного прогула.

А одиночество мне было в тягость долго.
Теперь осталась скучная работа.
И время катится, наверное, как Волга.
И никого мне видеть неохота.

Мне, думаю, опять не ощутить
нагого тела женского в постели,
ко мне прижавшегося. Но и не забыть.
А за окном гудят, бушуют, ели.

Мне даже перестали сниться сны.
Лишь наяву, а сплю часов шестнадцать.
Не доживу, возможно, до весны.
Но смысла нет гадать и притворяться.

Такого душевного я лета не припомню,
хотя прожил на свете уж немало.
Грозе не промочить сухую землю,
Прохлады нет. Гроза подобна шквалу.

Гроза здесь не особенно часта.
Два месяца не выхожу из дома.
Сама мне в окна тычется листва.
А улица до тошноты знакома.

Не плачь, не плачь, родная, не вернусь.
Ты — улыбайся, нежась в тёплой ванной.
Мне — ни к чему Америка и Русь,
да и постылый рай обетованный.

Ну вот, гроза закончилась уже.
И подбирать слова охоты нет.
Я прожил жизнь в чудесном вираже.
И на листве невероятный свет.

ПОДРУЖКАМ ГЛУПОЙ ЮНОСТИ МОЕЙ.

*В*есна, дразнилки-завитушки
шалят, невысказанно тонки.

Смешные школьницы-старушки,
мои любимые девчонки!
Вы бесшабашно сдвиньте кружки, —
Чу! — слышите? — звоночки конки:

в апрельский снег, туда, где милость
и жимолость, заеду вкратце,
не просыпаясь. Ладно: сбылось,
сбылось, — и нам ли огорчаться!

Сырые хлопья, дрожь, ненастье?
Предгорья гор, которых нету?
И нерастраченное счастье
гуляет, вольное, по свету.

Оно ко мне ещё вернётся,
протянет лапку в тёплой дрёме,
где, может, ни планет ни солнца,
и никого, ну кроме, кроме...

Чудят снежинки в окоёме.
Весна смеётся из оконца.

Бывали дни, столь серые — ко мне
тогда вообще не приближаться лучше.
Я был страшнее тени на стене.
И вдруг — стихи читал в ночи дремучей.
Бывало чудо, чудо, как во сне.

Бывала жизнь и солона, и пресна.
Так за волной приходит вновь волна.
А между ними — ледяная бездна.
Теперь осталась бездна лишь одна.
И будущее мне, увы, известно.

Я красками тогда тебя писал.
По-всякому. Сквозь мишуру букетов.
Раздеваю, как на известный бал.
И снова начал несколько портретов,
как-будто что-то я не досказал.

На них ты хороша, как и тогда.
Да и теперь другая ты едва ли.
Сквозь пальцы время льётся как вода.
Гляжу назад сквозь голубые дали,
а в будущее — вовсе никогда.

Туда и вправду лучше не глядеть.
Там ничего уж больше не случится.
От жизни остаётся мне не треть —
ничтожная ненужная крупица.
Зачем она, раз больше не влюбиться?
Поломанным крылом не машет птица.

Дмитрий Бураго

УРОКИ ЖИЗНИ

Н.М

*П*рошла гроза, и глаз голубизной
глядит листва, и вдруг блеснёт сердито.
Подобно ей, обрывки туч и сито
в дали бездонной неба надо мной.

Я это помню. Но едва ль теперь
смогу почувствовать такое наяву.
Во сне — живу, бегу, лечу, плыву.
Ты, наверху, поменьше дней отмерь.

И комната, всё та же, как тюрьма.
И куча дел, всё тех же, что до дрожи
мне опостытели. И день на день похожи.
И кажется, что это смерть сама

меня испытывает и даёт уроки:
как будет там, где ничего совсем.
Ни рук твоих, ни губ, и только тем
утешиться, что нудной нет мороки.

ПЛАНЕТЫ И ЗВЕЗДЫ

На Марсе бабочке порхать непросто.
А гравитация совсем к нулю —
по нашим меркам. Необжитый остров.
Приюта путнику не посулю.

Там обитают, может, наши тени:
им надоела эта теснота.
И не в толпе они, а между теми,
любимы кем. И темнота чиста.

Когда-нибудь не будет силы больше
глазеть, как праздная галдит толпа.
Мы не отыщем, как и Гольдшмидт в Польше,
покоя. Наша правота — слепа.

И не воротимся мы в город старый.
В полуслепой проулок, где костёл.
И перемешан света зыбкий сор от
планеты близкой и далёких сёл.

И ничего не разглядеть, одна лишь
деревьев бязь, пронзённая звездой.
И не прибавишь тут, и не убавишь.
И не промолвишь никому: «постой?»

Давно уже потухли все лампы.
Деревья грозные стоят во фронт.
И маячки знакомых звёзд — где надо.
Лишь красный Марс ушёл за горизонт.

КРАЙ ЗЕМЛИ

Н. М.

*Н*елепо и глупо, что нас разлучила
всего лишь — громада воды.
И время — конечно. Великая сила.
А так же — неверие. Ты,
наверно, грустишь. Да и я сожалею.
Не сделать уже ничего.
Так мчишься в тумане во мрак по хайвею,
надеясь едва ль на Него.
И серые птицы, летучие мыши
мелькают сквозь всплохи вдали.
Как шин шебуршанье, дыханье всё тише,
и ложна округлость Земли.
Наверное, там, на краю, лишь гречиха
цветёт, — и, сорвавшись, гудит
валун, и от брызг — одна лишь шумиха.
И нет никаких Афродит.

ЖЕМЧУГ

*Ж*изнь бывает прекрасна сама по себе, просто так,
если даже и нету в ней радостей вовсе в помине.
Так живёт одуванчик, пускать парашюты мастак,
иль лиловые угли, дымясь, догорают в камине.

Так деревья шумят, непонятно зачем и к чему.
Так и устрица делает жемчуг, пусть без наслажденья.
Им любуемся мы — что совсем непонятно уму.
Для кого-то и сам я останусь мерцающей тенью.

На исходе уж лето, а далее — осень, тоска.
Хоть тоска и сейчас: одуванчик, но без парашютов,
совершенно один, но дышу и живу ведь пока,
перечитывая акмеистов и обериутов.

БЕССОННИЦА

*Р*аспахнуто окно, и дышит сад простором,
но бьётся мотылёк в неоновый ночник,
в котором ни тепла, ни жалости, в котором
в дрожании полей холодный свет возник.

Нечаянных тревог и радостей смятенье,
мерцающих надежд обетованный край,
он скоро догорит, облыжных снов сплетенье.
Ну ладно, догорит. Скорее догорай.

Что однодневке ночь? — ни радости, ни горя.
Пусть не стекло — свечи короткий треск, и вот
хитина быстрый сор сметаю на ковёр я
и убредаю спать, не опасаясь квот

на ночи и на дни, ненужные, как эти
ночные мотыльки, забывшие про лог
за садом, про простор, никчёмные как дети,
которым всё равно — пролог иль эпилог.

Порою тёмн день, порою ночи белы.
Мне страшно засыпать, но всё-таки пора.
И только лишь во сне раздвинуты пределы:
и новых чувств испуг и тайных сил игра.

И ясно: ничего другого не случится
уж больше наяву, помимо жалких драм.
Скорей в окно впорхни, напуганная птица.
Вослед за ней, душа, лети к иным мирам.

Пробормочу, не понимая.
Дневная логика другая.
Ночная?
Начало мая,
конец сентября,
Новый год,
ледоход,
благодаря,
забывая
дурное,
что несложно.
Подкожно,
вот-вот:
наоборот
осенней весною
мёд из сот.

ТАНЕ, ДО СКОРОЙ ВСТРЕЧИ

Я влюбился бы, но староват,
нет лампочки в тысячу ватт
тебя ослепить,
в былом вся былая прить,
не судьба,
ты так стильно одета,
я — голытьба.
Запах душного лета,
до ковида,
дверь веранды раскрыта,
за рулём нет опасней тебя,
кто-то — в незачёт,
не припомню, рискнул бы снова,
у тебя над порогом подкова?
Или хранил тот,

Дмитрий Бураго

кому нипочём небосвод?
Я — прости, стар,
повторюсь, нет сомнений,
как сказал гений,
в пустоте вертится шар.
Припомни салют
над Невой,
смотрели с балкона
твоего дома,
этот мир и не мой,
тебе будет везде приют,
пустота тебе незнакома,
чудные края ждут!

СЕЗОН ДОЖДЕЙ

*У*то поставить на А кон, на кОн?
Наливает сезон
беспрерывных дождей
речь чужую, как чахлый DJ.
Кто же тут виноват
в нищей участи сей,
лучше уж онемей.

Спорит с дождём плаксиво
над тихой водою ива,
себя не найдя за плёнкой,
слишком робкой и тонкой.
Утки следы оставляют на ней,
ждут терпеливо
солнечных дней.

ЛУНА ВО СНЕ

Отшелушенный в хлам ротозей,
никудашный потомок князей,
ни соблазнам ни страхам не верь.
В никуда приоткрытая дверь
или летопись жалких потерь.
Сладок солнца последний закат,
в чудо веруют те, кто за МКАД:
бормочу невпопад и не в склад.
Только хвоя в окно шебуршит,
из-по век незнакомый на вид
в полудрёмы окошке пиит,
приодевшийся как одессит,
запорошен враньём, говорит.
Он болтает совсем невпопад,
звук такой, как картавый иврит,
что-то шепчет, шуршанью не в лад,
бытие выдавая за клад.
Сновидение — вымокший сад,
где услады волнительный стыд,
лунный свет на миллионы карат
свежих капель пролит.

Дмитрий Бураго

ДЕВЯТЫЙ ВАЛ
(экспромт)

Ю.

Не знал, почему я не спал ночами.
А нынче знаю, зачем не спал.
Кто мы — не ведаем толком сами.
Но ясно — поздно для всех начал.
А шестикрыл или шестипал,
душой — дитя, но старик-амбал,
в твоём не мыслится оригами.
И нависает девятый вал
над нами.
Обвал?
Проспал...

МОТЫЛЬКИ

Бывает, рыба или птица
куда-то как в бреду стремится,
они плюют и на уют,
как мотыльки на свет снуют
свечи, и им, наверно, снится,
что там русалки им поют.

Я был и сам — ну что-то вроде,
и жизнь теперь уж на исходе,
и на свече иль лампе, но
сторели крылья всё равно.
Неважно при какой погоде
одна тоска уже давно.

Дмитрий Бураго

ЗДРАВСТВУЙ!
(внучке Алисе)

*Вербы — это весенняя таль.
И чего-то нам светлого жаль.*

А. Блок

Ну что ж, с приездом в мир чудес,
похожий на сосновый лес,
где зайчик солнечный исчез,
а, глядь! — и появился снова.
Кукушка встала в полвторого:
кто сквозь стволы мелькнул верхом?
Здесь пахнет пчёлами и мхом,
смолой, далёким костерком,
и телом близким той, о ком
сейчас ни слова.

А ушки кроличьи торчат,
и рядом дюжина зайчат,
играют в салочки, почат
берёзы будет ствол, — пока
ещё совсем не те срока:
пришла бы и прошла зима.
И долог век, и кутерьма
сезонов сводит всех с ума:
времен — у года просто тьма,
иных... оборвана строка.

Ты в этом мире новосёл,
и лают псы из дальних сёл,
и улыбнулся вдруг осёл
с печальной звездочкой во лбу:
он не пеняет на судьбу,
а, удивлённый, смотрит вдаль,
а видит синий он февраль
и марта трепетного таль,
а светлого чего-то жаль,
а слов других не наскребу,

уже — старик. Но так легко!
Не убежало молоко;
а лунный свет недалеко,
дрожит на прядках облаков:
лови в ладошку, — был таков!—
ты брови попросту нахмурь,
с утра всегда такая дурь,
гудит заезжий трубадур,
смотри, какой смешной сумбур
чудесных завитков!

СТАНСЫ

*Когда ты была со мною,
я не боялся смерти.*

И.Б.

*К*огда б ты была со мною,
я бы боялся смерти.
Даль близкая скрыта мглою.
Приветлива хрупкость тверди.

Да если б была ты рядом,
любым дорожил бы мигом,
и путал рассвет с закатом
в безумьи своём великом.

Когда бы сплетались души,
тел вовсе не расплетая,
то стала бы частью суши
суровая зыбь морская.

Когда бы ты «да» сказала,
то я бы дрожал, робея.
Мне дела нет до оскала
неспешной с косой. Помпея? —

И как сохранится в пепле
касание губ? — мне чудно
несбывшееся. Слепли?
Иль просто так многолюдно?

Когда бы... совсем случайно...
Черёмуха вместо мести.
Давно не апрель, не май, но,
привиделось, что мы вместе.

И снова боюсь расстаться
я с миром больным. Однажды? —
(едва ли), в плену акаций? —
с ума мы сойдём (от жажды)?

Конечно, тому не сбыться.
И в детстве остались страхи.
И крикает поясница.
И прочие охи-ахи.

Но в зайчиках беглых лета
экраном рябится штора.
Ты там затерялась где-то?
Ты скорым приедешь скоро?

Николай Незговоров

Я выпускник ФМШ-ЛГУ 1972 года, класс «Д». Живу в городе Димитровграде Ульяновской области, работаю в НИИ Атомных реакторов. Мои стихи опубликованы в альманахах ЭХО-3 и ЭХО-4. Предлагаю Вашему вниманию подборку стихов, написанных в 2013-2023 гг. и более ранних. nenath@inbox.ru

ИЮЛЬСКОЕ Ленивый сонет

*К*уражится на севере гроза,
Там, видно, туча с тучей вечно в ссоре.
Суровый Петр кукушкам приказал
Оставить счет и двинуться за море.

Отпели птахи, липа отцвела,
Всяк божий день, еще беспечно-длинный,
Покоя полон, сонного тепла
И аромата зреющей малины.

Ленивы мысли, образы пусты.
Не напишу, пожалуй, ни стиха я:
Мир отдыхает, муза отдыхает
В предчувствии осенней суеты...

А нынче вдохновенья нет как нет.
Об этом мой нечаянный сонет.

12.07.2013, Петров день

ДИАЛОГ

Еще не доконал артрит,
И ты стремительной походкой
Идешь, обрадован погодкой,
По милой Савушкина-стрит...*
А что вчера? Лилось рекой,
И было сказано и спето,
Но друга — нет...** Своей рукой
Он не успел тебя — в поэты...
Пока в тебе довольно сил,
Язвительный Никола Важский.
Зачем сегодня посетил
Печальный сквер у Коломяжской?***
Ты хочешь — петь... Понятна цель.
Дай Бог, чтобы не слишком скоро
Наворковал тебе дуэль
Без секундантов — черный ворон!
На берегах какой реки,
В рассвета час или заката
Творить — не важно. Ждут ребята
Твоей пронзительной строки!

*С-Петербург,
Черная речка-Елагин остров,
21.10.2013*

* Улица Савушкина в С-Петербурге, улица моей юности.

** Друг, однокашник, светлый поэт Юра Турунов. Считал юмористическую поэзию несерьезной, желал, чтобы во мне развился-таки лирик. Увы, наша дискуссия осталась незавершенной. Ехал на встречу, а попал на поминки...

*** Предполагаемое место дуэли А.С.Пушкина.

Николай Незговорев

ШАХМАТЫ
(экспромт)

*Б*елое, черное — жизнь по квадратам,
Битым ферзями, слонами помятым.
Голову давит железным охватом,
Ноги дрожат на весу...
Храбрая пешка, мал подвиг и сер твой,
И никому не наука пример твой.
Взяли тебя и победною жертвой
В нужную клетку несут...

2013

БЛАГОВЕЩЕНИЕ

*Е*ще вчера, еще вчера
Порхал снежок и души зябли,
А нынче солнце, и с утра
Весну провозглашает зяблик!

А с неба звон и клики днесь:
То пролетающие гуси
Разносят благодатную весть
Об Искупителе Иисусе!

7 апреля 2015

ФОРМУЛА ПОЛТОРА

Никола Важский

До села Кукуева
Путь не прост:
По проселкам будет вам
Тридцать верст.
По газам — и дернули
Со двора
На машине «формула
Полтора»!
Нет руля, кабины — и
Ни хрена!
Сила лошадиная —
Лишь одна,
Но зато по грязи — как
В масло нож,
Где и на «уазиках»
Не пройдешь!
Шоферюги бедствуют —
Мне плевать!
Выхлоп соответствует
Евро-пять!
Вместо загрязнения
Сред и вод —
Бабке удобрение
В огород!
Истину, основу и
Глубину
Уложу в два слова я —
«Тпру» и «ну».
А в гараж поставлю и
Дам овса —
Все, она заправлена!
Чу-де-са!!!

2015

НИКОЛАЮ РУБЦОВУ ПОСВЯЩАЕТСЯ

3 января 2016 года исполнилось 80 лет
со дня рождения светлого Поэта
Николая Рубцова.

*Н*адо просто родиться на Севере,
Чтобы чувствовать суть красоты,
Что снежинками густо насеяна
На заборы, дороги, кусты;
Душу лошади, горницы, дерева
В песен светлые звуки облечь —
Надо просто и истово веровать
В землю Родины, в русскую речь;
Свою душу потомкам послать еще
Облаченной в божественный стих —
Надо просто родиться талантищем
И трудягой — немного таких.
Не смириться, но сжиться с потерями,
Нищетой, лицемерьем властей,
Чтобы петь — вопреки им — уверенней,
И пронзительнее, и честней!
Надо просто — продлить до бессмертия
Тридцать пять ярко прожитых лет.
В этой силе и правде, поверьте мне,
Николая Рубцова секрет!

25.12.2015

ЧИСТОЕ

*Е*сть стихи как иконы.
Их нашёптывал Бог.
Мудрый и немудреный,
Словно ангельский слог.
Строчки жили в Поэте,
Как небес благодать.
Прочитать и пропеть их -
К чистоте припадать.

2016

БАЛЛАДА О РЕПКЕ

*К*ак ныне собирается сказочный дед
Тащить злополучную репку!
Росла эта репка четырнадцать лет
И в землю вбуравилась крепко!
Схватился за листья, сопит и пыхтит,
А репка с усмешкой ему говорит:

«Ты мышку позвал бы на помощь, дедок!
Аль сказку забыл, недотепа?
Да ты не гляди, что ростишко с вершок,
Зато офигеннейший опыт!»
Дед плюнул, перстом покрутил у виска...
Притопала бабка, жена старика,

Давай хохотать: «Дурачина, балда!
Тягай, насмешишь полсела ты!»
А дед: «Ну-ка, старая, подь-ка сюда!
Чай репка — она не салаты!»
Ну, дедка за репку, за дедку жена,
Но толку не видно, лишь мука одна!

Тут Жучка и внучка пришли невзначай,
И кошка — похвально для кошек!
Кряхтение, ругань, мяуканье, лай —
А репы — хотя бы на грошик!
На север, на запад, на юг, на восток —
Всё тянут-потянут, а будет ли толк?

Ну, вроде бы страшно задачку решать —
Не хнычьте, ищите зацепку!
«Ну как же, друзья, забывать про мышат?
Со мною — осилите репку!
Вы сверху толчетесь, а надо — внизу:
За десять минут корешки подгрызу!»

ДРУГ ЧЕЛОВЕКА

Говорят — их продажнее нет.
Говорят — подзови только близко,
И блохастый свалевшийся шкет
Станет другом тебе за сосиску.
Но — случилось средь брошенных дач
Слышать вам леденящий округу,
Рвущий душу пронзительный плач
По навеки ушедшему другу?

2016

БЕРЕЗА (ИЗ ШЕНКУРСКОЙ ТЕТРАДИ)

Еще жива на пустыре береза
В густой толпе кудрявых дочерей.
Прольет на Благовещение слезы
О давней, давней юности своей.
На пустыре...
А был пустырь просторный,
Что горькая осыпала зола,
Во время оно — площадью Соборной,
И гордо ввысь взлетали купола.
Вздыхался Благовещенский над кручей
И к службе переливчато звонил,
А рядом стройным кораблём летучим,
Парил, царил Архангел Михаил.
Десятиглавый — Кижская предтеча —
Стоял подарок русских мастеров
Три сотни лет — да и стоял бы вечно,
Огонь не пощадил Господень кров...
Царь Петр пред алтарем, простоволосый,
Замаливал здесь юности грехи,
Не раз глядел с высокого откоса
На волны Ваги, северной реки,
И думал о Неве и о Полтаве,

О жажде по балтийским берегам,
Столице новой и о новой славе —
Друзьям на диво и на страх врагам ...
А что пустырь? Живет он понемножку —
Качели, горки, детский визг окрест.
Лишь сиротой церковная сторожка,
Да на пригорке покаянный крест.
Живет береза в смутном ожиданье
Счастливой искупительной поры:
Бог вспомнит всё и примет покаянье —
Споют над Вагой зодчих топоры!

2013–2016

ШЕНКУРСКУ

Давно дебаркадер ушел на слом,
На Ваге нет навигаций.
Песчаный берег зарос ивняком
И перестал осыпаться.
В парке всё так же галдят грачи.
А сосен — поменьше у бора.
Слезами падают кирпичи
Из мертвых глазниц собора.
Раскрыли березы пахучий лист,
Но — нет, не напеться всласть мне:
Уснул в сырой земле гармонист,
Мой кореш и одноклассник.
Здесь воздух целебен, вода чиста.
Вскормив пятьдесят поколений,
Неужто уйдут родные места
В болотный дурман забвений?
Неужто России не нужен он,
Мой город, веками намолен?
Услышат потомки праздничный звон
Со всех его колоколен?..

Май 2015

ДИОНИСИЙ

Монахом не был Дионисий
И ел скромное в посты —
Но как божественно возвысил
Свой труд — до горней высоты!
«Изограф, сиречь живописец», —
Сказала летопись о нем.
...Сиял собор до самой выси
Небесной синью и огнем!
И узнавали в ликах светлых
Молящиеся — не волхвов,
Не праотцов ветхозаветных,
А пахарей и рыбаков.
По рекам и таежным тропам
Гремел со звонниц Божий глас!
Вставала русская Европа,
Вершился русский Ренессанс!

2017

НАГРАДЫ

Сгорал в аду, в огне, однако
Назло всему — шагал живым.
Случалось, взвод водил в атаку —
И оставался рядовым.
Сто городов, с боями взятых...
И в каждом — представлений лист
Прочтя, фамилию солдата
Черкал привычно особист.
А парень воевал умело.
Лишь только раз его задело,
Когда траншей немецких ряд
Телами замостил штрафбат.
Зашили, на ноги подняли,
И снова в строй идти ему.

И вновь — ни лычки, ни медали.
Он знал, за что и почему.
Отец расстрелян при Ежове,
И в лагерях томится мать,
Но землю Русскую чужою
Не мог, не смел солдат считать.
...Года проплыли за годами,
Спросил солдата старший сын:
«Ты ж бился там, а где медали
За Будапешт и за Берлин?»
Ответил: «Да, пришлось подраться!
Писал бумагу старшина,
Но что ей стоит затеряться?
Ты понимаешь, сын, — война...
Друзей по взводу награждали —
Как за себя, за них был рад.
Вы, дети, — вот мои медали,
Дороже в мире нет наград!»

09.05.2017

МОНОЛОГ РЕЗИНОВОЙ ЗИНЫ

*У*змаяли меня, купая,
Облезла краска, цвет неярк.
Судьба такая не подарок,
Не скажешь ей — merci beaucoup!
Бесчувственная и слепая,
От ласки, право, не растаю,
Игрушка детская простая,
И даже с дырочкой в боку.
Несли по грязи, чертыхаясь,
Купивши в детском магазине,
Меня в наполненной корзине,
Где было то — не знаю что,
Потом — в бензин! (отмыть пытаюсь —
Таки свалилась из корзины!)

И почему-то имя Зина
Дала мне Агния Барто.
Но вам и невдомек бездушным,
Меня зовущим куклой Зиной:
Надежно скрытый под резиной,
Есть поля сгусток небольшой
Внутри меня, в пространстве душном —
Огонь мерцающий ли это,
Который виден лишь Поэту,
Иль что-то схожее с душой?

2016

ПОДВИЖНИК, 11 ВЕК

*Ж*аль, что дни проходят скоро. Жаль... лишь этим и грешу.
Се — возьму пилу, топор и ровных досок натешу...
Век не ведывал безделья, все срубил и сладил сам:
На лужайке клеть и келью, на угоре Божий храм.
...От Владыки* принял постриг, да направлен к Ваге в путь,
Совершать духовный подвиг и крестить лесную чудь
Я пришел на Пую-реку, соблюдая святой обет.
Здесь родного человека не видал уж сорок лет,
Токмо ровно при народе: не раздет, не одинок.
Всякий зверь как брат приходит, ясно с неба светит Бог!
Силой падший, духом нищий, совершу последний труд
Да излажу домовище, тела бренного приют.
Грядет час — сведу во в храме счет молитвам и трудам:
Преклонюсь под образами, душу Господу отдам.
Новый инок иль охотник — предадут меня земле.
А пройдет, быть может, сотня... кто измыслит, сколько лет,
Будет здесь посад богатый, да восстанет монастырь,
Поелику месту святу не пристало быть пустым.

2015–2016

* Здесь Владыка — архиепископ Новгородский.

МОНОЛОГ ЛЕСНОЙ ОТШЕЛЬНИЦЫ

Едва разлука выстелет снега...

Л.Татьяничева

Едва разлука выстелет снега, —
Мне снова не с кем, и заняться нечем:
Похолодает — вся лесная нечисть
Отправится погреться на юга.
Едва разлука выстелет снега,
На Лукоморье заживу одна я —
Закисну вся, и даже костяная
От безнадеги заболит нога.
Едва разлука выстелет снега
И все тропинки захоронит чисто —
Царевичам уж не до Василис тут.
Куда зимою к черту на рога?
Едва разлука выстелет снега —
Никто меня, бобылку, не утешит.
Ну хоть бы ты зашел, бродяга Леший,
Проведать — как там бабушка Яга?

2014

МОНОЛОГ МАЛЫШКИ КНОПОЧКИ

*Монолог малышки Кнопочки из Цветочного города
(Приключения Незнайки и его друзей)*

Я — Кнопка. Обшиваю малышей.
Живу взаправду, а не понарошку.
Заботы у меня — пори да шей.
Несносных сторонюсь коротышей
На улице Мышиного Горошка.
С малышками весь день. Или одна.
Пора б и друга... Выберу — кого я?
Сиропчик, Пончик — стоят Молчуна,
А Торопыжка стоит Ворчуна,
Но ни один из них меня не стоит...

Вон Пульке — вообще чихать на нас.
Одна охота — что еще тревожит!
Он попадает мухой точно в глаз...
Сказать хотела — мухе... в общем, в глаз!
Но в сердце ни за что попасть не сможет!
Пилюлькин — доктор... Местный Айболит.
Как порошок противный — кисло-горький!
Его боится даже целлюлит,
Но — если у меня душа болит?
Сердечных дряг не вылечишь касторкой!
Что Знайка? О — прилежный ученик!
Но про любовь — не задавай вопросов:
Он тупо говорить в ответ привык
Лишь только то, что вычерпал из книг,
При этом поучая, как философ!..
Поэтик Цветик — и учтив, и мил,
Но не сонетом душу рвет на части:
Кузнечиком лягушку «накормил»...
Да, тему плодородную открыл:
Ну что ни стих — то форменный ужастик!
А Винтик, Тюбик, Гуся-музыкант?
Как хочется мне в обществе веселом
Покрасоваться, оценить талант!..
Тот в небе, этот в краске — что за фронт!
А третий перемазан солидолом!
Так что — Незнайка?! Ветренный, шальной,
Дитё природы, глупые привычки...
Но кажется... Молчу!.. Увлёкся мной?..
Все — ноль вниманья, мимо, стороной,
А он таки подергал за косички!..

2014

МОНОЛОГ ТОТОШКИ
(Волшебник Изумрудного города)

Зеленькая травка, вокруг сплошное лето!
Скачи, резвись! Одно замечу, братцы:
Неправильный волшебник страну придумал эту:
В ней нет собак, и не с кем тут подраться!
Да, невелик я ростом, но ловок и отважен,
И в бой иду отчаянно и смело!
Со зверем самым страшным разделаюсь! Но даже
Мышей ловить хозяйка не велела...
Пускай девчонка Элли зовет меня зазнайкой —
А мне и в самом деле страх не ведом!
Я ни за что не выдам любимую хозяйку
Ни Львам, ни Тиграм и ни Людоедам!
Страшили с Дровосеком чего-то не хватает,
А у меня по жизни нет вопросов!
На родине, в Канзасе, умел лишь только лаять,
А здесь я рассуждаю как философ!
Быть может, и людей я несколько не глупее,
Но вправе ль забывать, что я — собака?
Эх, только б оказаться на родине в Канзасе —
Сполна получит Гектор-задавака!

2015

БЕРЕСКЛЕТ
Иронический сонет

Невзрачнейший кустарник бересклет.
Как будто от него и толку нету:
Ни ягод, ни орехов на обед,
Ни милого цветочка для букета.
Не радуя нимало Божий свет,
Стоит себе в тени с зимы до лета,
Весь, от корней до самых тонких веток,

Корою бородавчатой одет!
Простите, посвящать ему сонет?!
Ну, разве если ты «с большим приветом»!
Но...осень кисть возьмет, оставит след —
И скромный куст взорвется огнецветом!
И ты, скоропалительный поэт,
Под осень — тоже вспыхни бересклетом!

2017, сентябрь

АПОКАЛИПТИЧЕСКОЕ

*П*ронзает сердце траурная весть...
Со всей страной скорблю — и понимаю,
Что «Зимних вишен» в городах не счесть,
И в каждой «лошадь» прячется хромая,
По имени «Авоська», бледный конь,
Стоит себе за высохшим гидрантом,
Пока не полыхнет кругом огонь —
И вскочит Смерть на спину росинанта.
Сквозь щели заколоченных дверей,
По темным лабиринтам коридоров
Не разбирая — старых и детей
Отыщет, приберёт легко и споро.
...И следствие пойдет вперед-назад,
И растворятся в круговой поруке
Строитель-вор, инспектор-верхогляд,
Директор и электрик криворукий.
Хозяева дымящихся руин,
На яхту с утречка запрыгнув ловко,
Обсудят новость: погорели, блин!
Да хрен с ней, с «вишней» —
Выплатят страховку...

2018 г., траурный день

ОЛЕГУ ТАБАКОВУ

*Д*иректор МХАТа, папа «Табакерки»,
Сказали вы: жизнь круто прожита —
Обломова вместила, Шелленберга,
Ростова и Матроскина-кота...
Окончено земное представленье,
Но зритель помнит, Ваш талант любя.
Ролей в Раю — Вам хватит, без сомненья:
Ведь каждый там играет сам себя!

2018

О ТРЕТЬЕМ. СОНЕТ

*В*сё будет, знаю, хорошо.
Иль плохо.
Третьего не будет.
Надежда Князева. Под первым дождём
Опять, безумно встать над миром силясь,
Безумный мир — готовит людям третье,
Чтоб всякие глаголы растворились
В единственном последнем междометье.
Опять разруха правит головами
И пробивает всякие пределы,
А мы, сознание фейками болваня,
Деньки считаем: белый... черный... белый...
Но — может, кто-нибудь отыщет Слово,
Святое Слово, То, что «бысть в начале» —
И ныне, до Пришествия второго
Утешатся вселенские печали?
Мне хочется, чтоб это был Поэт.
Державным краснобаям веры нет!

2018

ПОЭТ. СОНЕТ

Водой поля и пажити сухие
Дождь напоит, а может быть и нет —
Стихия он. Но что стихи — стихия,
Не верит обстоятельный поэт.
Словес полны эфирные высоты,
Они прольются в голову дождём,
Но дальше начинается — работа,
Жестокая и тяжкая притом.
Мне кажется, поэт сродни Родену
И должен всё излишнее отсечь,
Отшлифовать — как выжать непременно
И воду, разбавляющую речь.
И в этом есть поэта Божий дар.
Он дал ему — другим другое дал.

2019

АРХАНГЕЛЫ

*Посвящается моей дочке, врачу,
и всем врачам, борющимся
со страшной пандемией.*

Распушились сизые хохлатки,
Прострелила землю сон-трава,
И в березах солнечный и сладкий
Сок. Апрель! Кружится голова.
Безмятежно небо голубое,
Души павших растворились в нем.
Нет огня, но сводки — с поля боя,
Где не легче им, чем под огнем,
Где царит коварная зараза,
Выгрызая лёгкие дотла, —
Медикам, святейшему спецназу,
Совершать архангелов дела.
Сбить корону, свергнуть людоеда,

Что цена — она всегда «до дна»!
Не считать, как далека победа,
А считать — она уже видна!
...И тогда, в апреле, в сорок первом,
Расцветала мирная весна.
Но дрожали на пределе нервы
Всех, кто понимал: вблизи — война.
И тогда, лишь на заре кровавой
Всадник Смерть исторгнул гром копыт, —
Русь сказала: наше дело право!
Враг могуч, но будет он разбит!
И тогда — архангельские крылья
И разящий меч сковал Народ.
И тогда — одною верой жили,
Что весна победная придет!

Апрель 2020

ПАМЯТЬ. ЭКСПРОМТ

А время мерно движется вперед
В согласии со звуком метронома:
Секунда — выстрел. Раз — и призовет
Господь предстать любимых и знакомых...
Уже настало — и отца, и мать
На Радуницу тихо поминать
И жить надеждой в наш нелегкий час,
Что внуки наши не забудут нас...

2020

ВАСИЛИЮ ЛАНОВОМУ

Казанова, Варавва ли,
Троцкий, Генри Второй
И Корчагин с Курагиным —
Главный герой.
Фортинбрас приснопамятный,
Дон Гуан, просто «гость».
Ни Ромео, ни Гамлетом —
Не довелось...
Мчится в дали небесные
К душам вечно живым...
Есть такая профессия —
Быть Лановым.

2021

ЖАЖДА ЖЕЛАНИЯ

Я в день рождения в «Якиторию» попал.
Меня от заведения поздравляя,
Сакэ и роллы вынес персонал,
А с ними — голову слепого самурая.
Сказали: это не простая голова.
Рисуешь глаз — загадывай желанье.
А сбудется — и глаза станет два.
Но чтоб всерьез — не поздно, не заранее.
Спит самурай уже порядком лет,
А случая — как будто нет и нет.
В столице дочки — и жильё, и все дела,
И внучка там в престижном институте.
Здоровье — тьфу-тьфу-тьфу, не бьет, не крутит,
Но... до черты желанья жажда не дошла.
...Свершилась жесьть, и полыхнул огнем Донбасс,
И души в рай — бойцы и командиры...
И я — рисую самураю глаз.
Важнее в мире нет желанья мира!

2022, февраль

МИР ЗАПОВЕДАН

*П*обеды день — не в радости, в печали,
Как будто вспять пошла к зиме весна,
Как будто вровень с гордостью — вина,
Как будто ту войну и не кончали —
Жива и продолжается она.
Вина!
Считали, да не рассчитали,
Пытаясь вразумить соседей власть,
Усовестить — да не на тех напали!
В четырнадцатом — жёстче бы напасть!..
И ныне — смертный бой.
Не ради славы:
В войне гражданской — славе грош цена.
Истлели брячиславы-мечиславы,
Но — пейте их тщеславие до дна,
Рубитесь, как рубились — дед на деда,
На внука внук?..
А истина — одна:
Победа — мир, и нам он заповедан:
Коли на шаг отступишь от Победы, —
На сотню верст приблизится война.

2022 г., сентябрь

ИРИНЕ ГЕОРГИЕВНЕ ПОЛУБОЯРИНОВОЙ ПОСВЯЩАЕТСЯ

*написанное в октябре 1970,
самый первый стихоплод
интернатской поры.*

Прозвучало на Вечере поэзии в 1971 году.

Стихи писать я начинаю,
В них нету смысла строчек меж.
Хоть часто я недосыпаю,
Я всю неделю бодр и свеж.
Но в воскресенье — что за штука —
Меня кусает сна микроб.
Брожу как сонная я муха
(Или еще — как сытый клоп).
Идем в музей — со всеми вместе
Не зная сам куда иду,
Там слышу я обрывки лекций
И засыпаю на ходу.
И выспаться за всю неделю
Охота — страсть! Охота — жуть!
А завтра снова понедельник,
Опять над книгой спину гнуть...
Но понедельник наступает —
И снова я как утро свеж!..
Стихи на том писать кончаю,
В них нету смысла строчек меж.

Юрий Турунов

Выпускник 1972 года

*Ю*рий Турунов — мой одноклассник, одна из поэтических звезд ФМШ-АГ всех времен. В девятый класс он пришел уже сложившимся и целеустремленным автором, чем вызывал всеобщее восхищение и уважение. «Просто рифмовать» в классе могли человек пять еще, я в том числе. Песен, популярных в начале 70-х, переделали без счета и пели свои тексты. Но у Юры уже к концу 9 класса образовалась объемистая тетрадь настоящих лирических стихов, продолженная и в 10-м. К сожалению, она пропала, и не всё удалось ему восстановить по памяти. Посылаю Вам почти всё, что удалось. Светлым серьезным Лириком Юра оставался до конца своих дней и очень хотел видеть меня именно лириком. Ироническую поэзию уважал не очень, шуточную не уважал совсем, а пародию — вообще презирал, а я именно туда и направил свои стопы и строфы... Наш спор о поэзии остался не решенным... В октябре 2013 я приехал отпраздновать 50-летие Альма-матер, встретиться с друзьями, конечно же, особенно рад был бы — с Юрой. Собрались и отметили...девять дней...

Вечер поэзии 1972 года. Тогда засияла звездочка 9-классника Сергея Руффа, он взял Гран-при. А «золото» разделили мы с Юрой. Юра — по полному праву, я — сам не знаю почему. Почетным членом жюри был приглашен молодой еще тогда, «самый питерский из питерских поэтов» Александр Кушнер. Дай бог ему здоровья и творческого долголетия! Его напутствие в мир Поэзии никогда не забуду.

Николай Незговоров

ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Листья жёлтые всё падают и падают,
Ветер волосы мне путает и мнёт —
На скамейке Александровского сада я
Жду с надеждою, что всё-таки придёт...
Но лишь ветер тихо бродит за воротами,
Я в объятьях у холодной темноты,
И смеются над влюблённого заботами
Звёзды тусклые, уставясь с высоты.
И всплывают голубые, безмятежные,
Словно в омут погрузившиеся дни —
Очи карие, искрящиеся, нежные —
Будут долго ещё сниться мне они.
Ветер с грудой листьев носится ворованных,
И лукаво улыбается луна, —
И всё жду, что в лунных струях заколдованных,
Словно в золоте, появится она...

Вечер город укрыл плащом,
Тихо в окна задернул шторы;
Кто-то полон надежд ещё,
Кто-то ждёт с нетерпением ссоры.
Стих на улицах шум колёс,
Город в сон погрузился чуткий...
...В темноте не заметно слёз
На стекле телефонной будки.

1972

Душно в комнате, воздух тягуч,
На пол стекает каплями липкими,
Душно на улице, душно от туч,
Кольшущих медленно тушами зыбкими.
Душно мне в тусклой серости дня,
Иду, пустотою раздавлен обмана,
Порвать бы пришитый кусками дождя
К булыжнику душащий ворот тумана!..
Ветра бы! Вот он, — семь нот на листке, —
Смелый, заглядывающий под юбки.
Глоток... Зубы сжав, прижимаю к щеке
Пластмассовый лед телефонной трубки.
— Быть не желаю скотом, шутком, —
Молча кричу я, на диск завывая...
Занято?.. Еду! Лечу за хвостом
Насмешливо звякнувшего трамвая...
Пихая слипшийся воздух в рот,
Врываюсь в метро я... Вдруг вывеска плоская
В лицо раскудахталась, — На ремонт
Закрыта станция Василеостровская.
Судьба? Провидение? Фатум? Рок?
А может быть, просто случайность нелепая?
...Такси пожирает сплетенье дорог,
За радугой мчусь одержимо и слепо я.
Асфальтовый змей подползает к Неве,
Лениво спиной ворочая потной,
И вдруг сквозь туман огрызается мне
Моста разведенного глоткой голодной.
Довольно. Уймись, фантастический сон!
Права, безусловно, нечистая сила:
Я слишком в нее безнадежно влюблен,
Пусть все остается, как было...

1972

МАРИНО МАРИНИ...МАРИНА

« Неаполитанская луна»,
До сих пор не смолкнувшие звуки, —
Миражом в глазах моих Она,
На плечах лежат любимой руки.
Кровь в висках клокочет и кипит,
Слышу двух сердец одно биенье,
И щека холодная горит,
Чувствуя волос прикосновенье.
Застилает мне глаза туман,
Чудится, что снова танго льётся,
И плывёт плавучий ресторан,
И под алым парусом несется...
Но, как видно, даже Сатана,
Оттянуть не смог бы час разлуки...
«Неаполитанская луна» —
До сих пор не смолкнувшие звуки.

1972

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ДОЖДИК

Люблю я осень в Ленинграде,
И сколь бы ни был сладок зов,
Болота не покину ради
Муара буковых лесов.
Туманный парус бригантины,
Что реет, сказку бороздя,
Пленяет меньше паутины
Дождя и белого груздя.
Ведь мне милее и дороже,
Чем солнце всех материков,
Дождь, шелестящий у подножий
Полулюдей-полубогов.
Нет звездочётов над Невою,
И нет лунатиков почти,

Здесь всем болеющим луною
Она плохой ориентир.
За облаков ватином плотным
Спит солнца бледная сестра,
И только верный дождь влюбленным
Стихи читает до утра.
И мне милее и дороже,
Чем солнце всех материков,
Дождь, шелестящий у подножий
Полулюдей-полубогов.
Пуускай твердят: Париж прекрасен
И всем столица городам,
Парижский воздух мне опасен,
Он суховат, не по годам.
Нью-Йорк высотною осанкой
Не покорит меня шутя:
Ничто Гудзон перед Фонтанкой
Без ленинградского дождя.
Ведь мне милее и дороже,
Чем солнце всех материков,
Дождь, шелестящий у подножий
Полулюдей-полубогов.
Случится набережной мокрой
Вдоль окон Зимнего бежать,
Ругать не стану дождик добрый,
Атлантов мокрых обижать.
Устойчив к сочинскому зуду,
На пляжи знойные чихать
У крепостной стены я буду,
Коль будет дождик отдыхать.
И мне милее и дороже,
Чем солнце всех материков,
Дождь, шелестящий у подножий
Полулюдей-полубогов.

1971

Голова набита облаками,
Мир окутан дымкой голубой,
За твоими дивными ногами
Я бреду обманчивой тропой.
В ледяной арктической пустыне,
В белом зное солнечных песков
Миражами станешь мне отныне
Затмевать и смертных, и богов.
Звездной ночью в плещущемся море, —
Лишь дорогу вымостит луна, —
Ты придешь в серебряном просторе
Гриновской Бегущей По Волнам.
У лесной речушки на закате
Промелькнёшь за кронами берез
Ты русалкой, с омутом во взгляде
Под зеленым пологом волос.
И, как в сказке, феей зачарован,
Я тебя,
мгновение спустя,
Колдовством прекрасным околдован,
Обречён искать, не находя.

1972

МАЛЬЧИШЕСКОЕ ГЕРОИЧЕСКОЕ

Мальчишкам нашим снятся космодромы —
Ракеты, ожидающие старт...
Им золотые нити трасс знакомы,
Чертящие экраны звёздных карт,
Им с детства марсианские каналы
Обычны, как Фонтанка и Нева,
И рыцарей железные забрала
На плексиглас сменила детвора.
Они в пятнадцать подвигами бредят,

С волнением за «Востоками» следят,
И даже мама с папой не заметят,
Как вырастут мужчины из ребят.
Мужчины — межпланетные Колумбы,
Мальчишки — Д`Артаньяны по крови...
Далёкие галактики — как клумбы
Для них в садах покинутой Земли.
Они уходят к солнечной короне,
На огненную схватку — короли!
И тонут, за мечтой своей в погоне
В безмолвной леденящей взор дали...
Да, трудно! Да, опасно! — только знают
Они, как ждёт Земля их корабли,
И молча астронавты вспоминают
О тех, кто отдал жизни для Земли.
О тех, кто шёл на бой в двадцатом веке,
На бой с зловещей чёрной пустотой,
О первом космонавте, человеке,
Улыбка чья светила над Землёй.
Светила, светится, светиться вечно будет
И в рамке траурной не кажется грустней...
И, кто, как Юрий, Землю нашу любит,
Не пожалеет жизни для людей.
Да, космос не прощает нам ошибок,
Всего, что нам сходило на земле...
«Союз-1». И вот последний снимок:
Владимир Комаров — на корабле.
Взметнулись в воздух брызги земляные,
Волною смерть ударила в лицо,
Слезами капли замерли стальные,
Да вздрогнуло от боли озеро...
И крепко зубы сжав от этой боли,
Не дав слезе скатиться по щеке,
Украдкой писал мальчишка в школе —
Хочу быть космонавтом, — в дневнике.
И снова рвутся в небо космы дыма,
Дрожит земля от огненных столбов —

Утрата велика, но восполнима
Отвагою других земных сынов.
Пространство завоевывают люди,
За кораблём — корабль, за шагом — шаг!
Дом на орбите! Трое на «Салюте»!
Но трауром обводит встречу враг...
Нет! Живы вы, Георгий Добровольский,
Пацаев Виктор, Волков Владислав,
В сердцах людей жив подвиг ваш геройский,
На Вас равняться будет космонавт.
Мальчишки повзрослевшие в атаку
Пойдут на штурм вселенной вместо Вас,
И подвиг Ваш удвоит их отвагу,
Держающим он будет как приказ.
И не страшны небесные им громы
И молнии — уверены они:
Другим мальчишкам снятся космодромы
Такой родной и ласковой Земли.

1972

ALMA MATER -74

*В*зволнованно-светлые лица,
Торжественно-грустные взгляды...
В историю входят страницы
Десятой весны интерната...
Последняя строчка в конспекте,
Последняя буква в тетради...
А помнишь свечу на конверте
И жаркие споры в палате?!
А помнишь, как солнце всходило
В восторженных возгласах птичьих,
И как сквозь запреты манило
Мостов разведённых величье?
Всё было — обиды и ссоры,
Досадные срывы за взлётом,

И векторов жадные своры
Кошмарного сна пред зачётом.
Всё было... Как ветер весенний
Страниц шелестенье измятых...
Сегодня десятый Последний
Звонок
прозвучал для десятых.
И в душу чтоб ношей тяжёлой
Тебе не легло расставанье,
Прощаясь сегодня со школой,
Ей завтра скажи «до свиданья».

*М*илая,
прошу тебя,
не надо сердиться,
Не алкоголик я
и не пьяница.
Ну что с того,
что решил я
напиться?
Сегодня не вторник,
не пятница —
Сегодня
...надцатое июня,
Сегодня праздник —
мой день
рождения.
Сегодня вдруг
экзаменов будни
В одно сплошное
слились
воскресение!
Сегодня я шапку
в небо
бросаю,

Хотя
с непокрытой хожу головою!
Сегодня я праздную
Первое Мая!
Я остаюсь
в Ленинграде.
С тобою.

ПЕСНЯ

(На мотив «Как хорошо быть генералом»...)

Спокойной жизнью мы живем,
Но объявляется прием —
Есть в Ленинграде ФМШ!
И мы уже не можем спать,
Бежим экзамены сдавать,
Хотя не знаем ни шиша.
И, хоть учиться не хотим,
Мы все желанием горим
Экзамен в Физматшколу сдать,
Хотим мы в Ленинграде жить,
Про школу старую забыть,
А что там — наплевать!
Как хорошо быть ФМШонком,
Как хорошо быть ФМШонком,
Лучшего места вам для учебы не назову!
Но все равно мы там скучаем
И о каникулах мечтаем,
Но почему же, но почему же, я не пойму.
Мы приезжаем в Ленинград
И с чемоданом в интернат
Идем по Савушкина-street.
Все новым кажется нам здесь,
Не знаем мы, где встать, где сесть,
И в облаках мечта парит!
Но вот нам первый дан ответ:

Куда идти? В медкабинет,
Свое здоровьишко проверь!
И видишь ты толпу «бичей»,
Не стригшихся сто сорок дней,
Штурмующую дверь!

П р и п е в

Ты справку наконец достал,
Палату тоже отыскал,
Друзей там будущих нашел.
На радостях два дня балдел,
Арбузы с коллективом ел,
Все было очень хорошо!
И со спокойною душой
Заснули все, но боже мой,
Раздался утром страшный крик:
«Подъем, подъем! Проснись и встань!»
Но дома ведь в такую рань
Вставать я не привык!

П р и п е в

Но лишь неделю проживя,
Узнали мы: подъем — фигня,
И спали до восьми часов.
Физоргу, чтоб не возникал,
Подушку в зубы — он молчал
Или желал нам крепких снов!
А днем наш класс дымил, взрывал,
«Полундра!» — физикам кричал,
Из туалета — столб огня!
Биолог прячется в шкафу,
Что там он ищет — не пойму,
«Не бей, — кричит, -меня!»

П р и п е в

И так мы жили, только вдруг
Нам тесен стал учебы круг:
Ведь все же по шестнадцать нам!

Огонь в душе вдруг стал играть,
Стихи мы начали писать,
А почему — не знаю сам!
И, хоть презрения полны
К девчонкам нашим были мы,
Какой-то черт вселен в нас был:
Теперь страдать случалось нам
И с Ней вдвоем по вечерам
Бродить среди могил!

П р и п е в

Два года быстро пролетят,
И мы покинем интернат,
И в ЛГУ открыт нам путь.
Он все же нами не забыт,
Хоть голос внутренний кричит:
Про ФМШ скорей забудь!
Хоть часто ты недоедал
И каждый день недосыпал,
Но твердо помни ты и знай,
Что годы лучшие твои
Здесь, в стенах ФМШ прошли,
Ее не забывай!

П р и п е в.

1971

Михаил Астребов

Выпускник 1966 года, закончил матмех ЛГУ, профессор кафедры высшей математики ГУМРФ им. адм. Макарова

В.О.

Людмиле Малышевой

На ладони Васильевского
линия жизни десятая
на географию выменян славный бином
светлая ночь отдалась
не вспоминаемым сном
о днях когда мир был един
кто не верит читай анти-дюринг
пятая сверху и дальше ещё две строки
на помине легки
бестужевки славными ножками
стёрли ступени
мы им помогали немножко
где трение там и тепло
на душе и протёрто стекло
уравновешенный средний проспект
всё усреднил в позапрошлых годах
лезет под ноги торчит на глазах
как ставший ненужным конспект
перебегаю на красный
поздно свистеть
замылен заигран офсайд
линия жизни десятая
здесь санни-сайт

*М*не слышится в вечернем русском звоне:
«Всегда готов к труду и обороне!»
Мне видятся в картине Левитана
Информбюро и голос Левитана.
Всех, кто погиб, под красным ли, трёхцветным,
Под предзакатным или предрассветным,
Покрыла родина небесным сводом
И век уже рыдает год за годом.

НА ЗНАМЕНСКОЙ

*Ш*итё, гляделки, шёпоты
в холодных дортуарах,
а он? а та? а что же ты?
прогулки только в парах,
знамение восстания,
дорожка вдоль ограды,
вам, девочки, заранее
на Знаменской не рады.
Рыдания по Надсону...
Был явлен лик старушке
в голодном восемнадцатом
не выжившей павлушки.
Смолянка, павловка, должна
принять свой фант без страха:
кто эта? — лотова жена,
а та? — княжна Джаваха,
что женихи? — за море им,
посланием к Галате.
Копает крот истории
метро, спрямляя даты,
на Александровский с Песков,
потом до Симеона...
От Чарской до Ахматовской
всего два перегона.

Елене Пономарёвой

Выдвигаюсь в пешем строю направленья Коломна
правый берег Фонтанки поминутно хватает за локоть
вспомни а помнишь глянь этот на слом но
Крюков канал включает чайковый клёкот
то безобидна как пункт сдачи посуды молочной
то зла как подвал где со скидкой берут из-под водки
Коломна погреться б на солнце не прочь но
дождливые летние дни перебирает как чётки
в Коломне честно платят всегда крысолову
здесь вам не Гаммельн во-первых да и во-вторых
ребятки все целы читают Дюма и к слову
даже на контрафаготе не пугаются тридцать вторых
на Пряжке призрак непогребённой бани
беспечным насельникам улицы Перевозной
в безлунные ночи является на поляне
ах как контрафагот плачет по ней виртуозно

ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ

Для трезвых и пьяных, для сильных и слабых
Сейчас Вы — маэстро, сейчас Вы — не лабух.
Вас просят сейчас в первый раз не по пьянке.
Сыграйте, как надо, «Прощанье славянки».
Ну что ж, что ни к месту, что в зале невеста,
Сыграйте с задором роль тамбур-мажора.
В прожекторах взглядов, в прокуренной комнате
Сыграйте как надо! Нет, лучше — исполните.
... и славянка машет вслед рукой
Всё проще простого: сыграйте печально
Про место пустое у стенки причальной
Для этих, спокойных, оставивших рюмки
И, как на рисунке, стоящих по струнке.
Чеканная музыка старого марша

Взъерошенных девочек сделает старше.
Им вспомнить сегодня, пожалуй, уместно
О том, как прощалась славянка-невеста.
... и славянка машет вслед рукой
О ней на параде
Напомнят повторно
В мажорнейшем ладе
Труба и валторна.
... и славянка машет вслед рукой
Другие пускай аплодируют Вам.
У этих — как стеклышко — руки по швам.
Другие пришли гулевать в ресторан,
Но этих, спокойных, пригнал ураган,
С надёжных, чугунных сорвав якорей.
Ну что ж Вы?
Ну что ж Вы?
Играйте скорей!
... и славянка машет вслед рукой

«*М*етель», романс, вступает медь,
Конь задыхается — успеть,
Она сойдёт с ума!
Кто всхлипнул во втором ряду?
Я помогу им, я найду,
Проклятая зима!
Исхлёстан в кровь, свалился конь.
Услышать бы вечерний звон.
Карминовый буран
бьёт в уши, и бессилён клир.
Пуст храм. Никто на брачный пир
Не избран и не зван.

*К*ладбище смиренным не бывает,
здесь никто не слышит шёпот звёзд.
Гомон, шум — не от вороньей стаи:
здесь кричат, поднявшись в полный рост,
всё, что недосказано вживую.
К сроку опоздавшие слова
сквозь гортань безгубую, немую
прорастают, как весной трава.
Под звездой комиссар яритя,
перекошен криком есаул
под крестом. Россия бьётся птицей
раненой — ну хоть бы кто уснул.

*Н*а переломе Юр-Горы
молчат деревья до поры,
когда умерших хор печальный
замолкнет, слыша звон венчальный.
На переломе Юр-Горы
не подождать ли до поры,
когда печали, коих досыть,
не остудит считалок россыпь,
когда на взлёте Юр-Горы
вихрь бело-голубой игры
на сводах храма, леса, неба
лукаво спросит: «Время — небыль?»
На самом взлёте Юр-Горы
дрожат былых имён костры,
их искрами простор прострочен,
как светляками бархат ночи.

В деревнях от весны солнца вовсе не ждут,
небо застыт туманы.
В банях сучья, корьё, всё остатнее жгут,
на полках старый войлок сбивается в жгут,
гости ходят друг к другу не званы.
В деревнях хорошо, если много дедков,
чтоб ругали за дело старухи,
если ползают внуки, ещё без портков,
а невестки всё шастают в Порхов и Псков.
Только мало домов без прорухи.

1967

*П*етербург бесконечен — взглядишь в анфиладу колодцев.
Взгляд скользит, замирает и вот уже хочет присесть.
Штукатурка облуплена. Липы? Ну тут, как придётся.
Здесь не только благая дробится мозаикой весть.
Здесь любой пьяный выкрик и тихое «как же мы дальше?»
Пряным вермутом в белую ночь умягчают гортань,
Превращаются в заповедь, в текст. Нескончаемым маршем
На заводы идут земляки в заповедную рань.
Семь кругов коммунальной квартиры — ни ада, ни рая.
Мне Фонтанка назначила фланг в этом длинном строю.
Я блокадных соседей ошуюю встал, замирая.
Ленинград бесконечен, я верно на этом стою.

Памяти
Наталии Павловны Королёвой

Собери со свитков древние фонемы,
Водкой на шалфее их прополощи —
Не живы, не мертвы, долго были немы,
Прятались от света, яко тать в ночи.
Алеф с юсом рады: целы наши братья,
Так пойдём же биться с заповедным злом.
В горле станет тесно древнему заклетью,
Содрогнутся души слабых на излом.
На горах словенских, на смоленских пашнях
Отзовутся эхом мёртвые слова,
Позагонят в скрипты выскочек вчерашних.
Так в прилив уходят в воду острова.

ИЗ СААДИ

Вставай, уж пора проститься с зимой
Двери цветника тебя просят: «открой».
Войди, померанцы положи на блюдо,
протись с жаровней в тишине ночной,
Занавеска скрывает утра черты,
отдёрнуть её не велишь ли ты?
Увидишь: у крыльца ветерок навруза
на юной траве рассыпает цветы.
Сможет ли не петь влюблённый соловей,
видя, как роза расцветает всё пышней?
Разве заметишь звон литавр под коврик?
Любовь, чем дале спрячешь, тем она видней.
Сильнее пехлевана запах розы в навруз
с прекрасным пением вступившей в союз
Сколько богачей превратили они в нищих,
не оставив для любимой даже нитки бус.
Все запреты сжигает жар пылающих тел,

горе тем опоздавшим, кто к любви не успел.
Пусть взгляд подруги меня испепеляет,
не зажмурю глаза я, не спрячусь от стрел.
Саади, к плодам приблизься, калитку открой,
что нужды тебе, коль сторож злой.

Белой розой в серебряном зеркале тусклом,
отражённой в Неве Саломеей,
ночь танцует, босая, над призрачным руслом,
глаз поднять на тетрарха не смея.
Ей плещут в ладоши
из ларьков на Сенной,
из пивных нехороших,
ей плачут в ладоши
на Пряжке больной.
Ей смеются в лицо из-за створки оконной
на здоровой весь век Миллионной.

РНБ

Заклинанье: зал, шкаф, полка, номер —
воскрешенье журнала, упокоенного тому назад.
Вдыхая взвесь света и пыли, столетия не экономя,
вверх по винтовой лестнице, по стрелке «Назад».
Не верю — полагаю, тонкий ход, интрига —
в наивность рекламы (и тогда нельзя было без):
«По своему содержанию эта книга
имеет захватывающий интерес».
По своему содержанию это здание —
кратовая нора, портал в инфинитум,
десятка к одиннадцати, наваждение, мания,
в голодный год амбар с житом.
Заказываю наугад старинный журнал,

свет с наугад открытой страницы.
Чудо творим — я и журнальный зал —
воскрешение Лазаря и восста девица.
Рукописный журнал выпускного класса
Новочеркасского реального, поход, идеи,
ничего про любовь, реализм высокого класса.
Ах, могли ли представить. Тогда и я... надеюсь.
Угол Невского, редкие книги (под билет)
иногда падают лицом вниз, как люди на том фото.
РНБ всё помнит, знает. Её ответ
ищи в каталожных ящиках до седьмого пота.

*В*ыбирая из меню пейзажа,
я, подумав, заказал лопух,
нет, не розу, не ромашку даже,
мой лопух, — он стоит этих двух.
Мускулистый пролетарий флоры,
он не вхож в салон оранжерей,
где тепло, где в неге помидоры,
рододендрон там, как иерей.
На десерт просил извив дороги
и закатной тишины бокал.
Отказал распорядитель строгий,
а, кажись, немного желал —
не торнадо, не закат в пустыне,
не восход над морем, не Монблан,
не Монмартр, не ветку Палестины,
и не кедр, которым горд Ливан.

Густое, тёмное и крепкое вино,
ты — настежь в прошлое раскрытое окно,
окно-мишень, окно-прицел.
В нём ставни
со хрустом сорваны глотком недавним.
Густое, тёмное и крепкое вино,
ты — проблеск молнии взамен кино
на утренний сеанс, на девять тридцать.
Скорей туда.
— Да не забудь умыться!
Густое, тёмное и крепкое вино.
Где ты, ровесников весёлое звено?
Замедли шаг! Не можешь? Ну дела!
Вы суть, вы близко. Не держите зла.
Держите рюмки.
Прошлое не тщетно.
Сколь радостно глядишь ты,
сколь приветно.
Всё минуло и минет — знаю. Но
Давай ещё по рюмке «Салхино».

ЭВРИДИКА

Туда, где реки, и трава, и зной,
мне боги приказали за тобой
идти безмолвно и ступать след в след
твоих сандалий. Мне молчать не след,
но только тени слышат тени речь,
как, милый, мне тебя предостеречь?
Ах, если б взглядом я могла обжечь!
Да обернись! Уж мы на полпути,
а мне никак со следа не сойти.
Когда бы ты меня услышать смог,
узнал, что мой Аид и лжив, и строг:

лишь только речка, и трава, и зной
подскажут мне, что стала я живой,
погибнешь ты, тебя поглотит Тартар.
Ужели этот от меня ждёшь дар ты?
Чуть различим твой силуэт в тумане.
Ступаю в след.
Остановись Орфей!
Как светлым пятнышком меня живое манит...
Орфей, не обернуться ты не смей!

КЛИО

В Щемилровке у элемента первая соколом, сам гол как сокол.
На Невском канкан ласкает взоры открытым коленом.
На перекрёстке Садовой у Клио первый прокол:
Карета попёрла на красный, столкнулась с минивэном.
Рядом, в Императорской общедоступной,
зелёная лампа сутулит две тени.
Хоть первый этаж и план крупный,
не разобрать, где Оленин, где Ленин.
В депо самый загадочный манускрипт —
список дворцовых стражников при Кире.
Клио то ведомо, а хранители гадают: амулет? шифр?
Клио смеётся и делит их доводы на четыре.
Села играть с Каиссой — в пышечной, рядом с Чигориним,
висит на флажке, боится солдатского мата,
зевает фигуры — Дира, Аскольда, Митю, Алёшу... — о горе нам!
Каисса смеётся: в эндшпиле хороша «Армата».
В депо паровоз тренируется перепрыгивать Белоостров,
Клио помогает подобрать толчковую ногу.
Перепрыгнул в Оллило. Вопрос о власти встал остро.
Клио раздаёт шансы, всем понемногу.
Невский укатан санями как полированный стол
Городовые, дворники, бляхи — как в инструкции.
На Английской набережной у Клио второй прокол:
холостой выстрел развалил конструкцию.

*Михаилу Горяеву,
нашему Нестору*

В сказанье летописном есть
Наказ одетым в злато,
Что в прошлом, как и присно, мечь
Шла часто предоплатой.
В конце рекламной акции
«Волхвы даруют шансы»
Сложились флуктуации
В подобье резонанса.
Из вакуума черепа
Змея соткалась к месту,
Скользнула мимо челяди,
И всё пошло по тексту:
Потухло солнце блеклое,
Олег родной планете
Раздал свои молекулы
И тихо сгинул в нетях.
Дальнейшее невесело:
Волхвов, от муки синих,
В науку всем развесили
На соснах и осинах.
Мечь неповинна слепа бысть, —
провидел это Нестор,
Владелец прав на летопись
Истории как квеста.

*Р*ыба ночных морей
забрела в мелководье Анапы.
Катерки, учуяв, скорей
дали дёру, волоча трапы.
Игравший в шестьдесят шесть с отцом на пляже
мальчик рыбы не испугался.
Даже
запомнил: «океан тих и глубок,
на дне его снов чертог,
шаг и спишь.
Всплеск, пузыри, тишь».
О, рыба ночных морей!
Плыви в воспоминанье, детством согрей.

ДОЖДЬ В ОКРЕСТНОСТИ СЕННОЙ

*Д*ождь в эпсилон-окрестности Сенной
упёртый, скучный, вечный, коренной.
Столярный с Казначейской делят угол,
он колет в пах, он женщиной пропах.
В створ Спасского, как в сон, иду с опаской.
Там всё застыло, я пацан, я швах,
меж стёкол бьётся там моё фиаско
последней бабочкой, и полдень стянут туго
ремнём из до и после друг без друга.
Прочтёшь легко во всех календарях
сколь всякий полдень тускл на Фонарях
в подтёках дней-нерях.
Весь свет его давно ушёл в Пески.
Там Рождество и совпаденья! Там близки
глядевшие друг друга мимо
на Фонарях, где все незримы
для встречных глаз.

ВЕЧНА

Ещё вовсю скользят подошвы,
Но выдаёт пунктир проталин,
Что наш июнь, парнишка дошлый,
Уже толчётся у окраин.
Он шепчет вздор, приятный, впрочем,
Краснеющей весне на ухо
И обещает белой ночью
Улучшить состоянье духа.

Постным с Мальцевского мазан Питерсанкт,
ускользает, точно ловкий адъютант,
от просителей, ссужает нам весны
на двугривенный. Мы все ему должны.
Как силок в тени решётка Сан-Галли,
«Норд» под дождиком Колтовская смолит,
у линейных в среду с гаванскими стык,
проступает над Обводным Божий лик.
Душит, греет, и возносит Питерсанкт.
Бескорыстнейший его интересант,
я хриплю, но я согрет и вознесён.
Крутит фильму про любовь Иллюзион.

СПБ

*М*ихаилу Макарьеву, 1-й выпуск
Местность СПБ зовётся,
здесь пунктир дворов-колодцев
вечерами к звёздам рвётся,
львы, ограды и сады,
что ж до неба и воды,
в СПБ они суть п्लюмбум,
и глядят с афишной тумбы
неулыбчивые лица
цвета спелого свинца,
но дольёшь в стакан винца, —
плюмбум переходит в купрум,
неба свод вдруг перламутров,
и улыбчив стал прохожий.
В СПБ спаси мя, Боже.

Муман обрезал телевышку
И превратил её в пустышку,
Которую младенец-город,
Которому не нужен повод,
Чтоб сделать всё наоборот,
Сосёт губами-островами,
Сопит и дельты рукавами
Заплаканные глазки трет.
Вот юнкер Шмидт. Который год
Наук не учит, маме врёт,
Себя жалеет, как Лебядкин
Пьёт, прячет с двойками тетрадки
И грустно хочет застрелиться.
Но не спешите морщить лица:
Он хочет так давным-давно.
Младенцу грустно и смешно,
Но Шмидту-шалуну в окно
Он и не думает грозиться. —
Ведь юной крови не пролиться.
И ноябрю не одолеть.
Чу! Зри: открылась лифта клеть.
В Обводный гонит воду ветер.
Садится в электричку Вергер.
Спасаясь от волны нагонной,
Крадётся в сумрак он вагонный.
Ему бы за «Зенит» болеть,
Так нет. Грехи отцов кляня,
Он на младенца с соской злится.
Опять из козьего копытца
Пьёт пиво, капает на свитер,
Считает остановки:
Питер,
Ланская,
Выборг,
Чермошняя.

ВАРИАЦИИ НА ТЕМУ СЕПЕХРИ

Где дом друга не подскажет
ни вино, ни шейх, ни птица,
ни орёл над горным кряжем,
разве трижды дом приснится.
Жди, когда уронят вазу,
трещины сойдутся в стрелку.
Это знак, тут нужно сразу
заключать шальную сделку
с Тем, кто трещины свёл в стрелку
в направленья дома друга.
Путь не виден из-за дыма,
всё на свете поправимо,
верь, ты из фарфора пазлы
в доме друга склеишь в вазу,
всё загладит время-ластик.
В доме друга все напасти
ты положишь в эту вазу
и печатью Сулаймана —
дружбе и не то во власти —
запретишь им выход сразу.
Время — пёс. Залижет рану.
Направленья все печальны,
направленья все случайны
(умник скажет, что рандомны,
суфий скажет, что фантомны).
Азраил стоит на каждом,
он не зол, но полон жажды.
Не окажешься бездомным.
если путь твой — к дому друга.
Одиночество наркотик,
одиночество охотник,
выстрелит в тебя с экрана,
из ситара, из стакана.
Ты спасёшься в доме друга.

Сергей Смирнов

Выпускник 1988 года

ПАРАБОЛА «ВАКУЛЯБОЛА»

Я — интерес, я — мир головоломок,
Попробуй всё во мне уравновесь!
Я — физик, химик, астроном, биолог
Среди единомышленников здесь.
Сперва академических занятий
Размеренность так навевала сон —
Зевнул и будто лёг под знаменатель,
И был в пределы ряда заточён,
Где эpsilon и дельта монотонно
Сжимали время и пространство в ноль,
Но друг толкнул локтём бесцеремонно:
«Освоить матанализ ты изволь!»
Втянулся класс, и учимся играя
И щёлкаем задачи только влёт.
Пять баллов есть! Я мел с доски стираю.
Когда же снова очередь дойдёт?
Отвечу на коварные вопросы
Моих преподавателей родных,
Найду решение, выдумая способ,
Порой в науке совершив «прорыв».
С тех пор прошло годков... не помню сколько,
А может быть и больше раза в два,

Я замечаю в зеркале невольно –
Седает озорная голова.
И вижу я иное отраженье,
Упрямый обратив хронометраж,
В нас школа укрепила увлеченье,
Вселила дух победы и кураж.

19.10.2016

ПУСТЬ МИР — ТЕАТР, НО ТЫ НЕ ЗРИТЕЛЬ

*Н*ет, ты совсем не наблюдатель,
Ты — человек! Ты в мир явлён,
Как сын Его, как продолжатель
Его Мечты, Его Имён.
Ты сам себе назначил роли,
Играй по правилам, актёр!
Душой гори, не бойся боли,
Большой поддерживай костёр.
Твори сейчас, без опоздания,
Со страстью думать и любить,
Свои заветные желанья
Спешి поступками явить.
Пытливым разумом объеми
Закон и атом в полноте.
Сияй, и пусть твоё свеченье
Заметно будет всей Земле.

НАДЕЖДА

Затосковал, стучится боль в виски,
Я не скулю уже, а волком вою,
И сердце рвётся в клочья, и тоски
Десятерым хватило бы с лихвою.
Но в глубине надежда чуть жива
Вдруг польхнула солнечной жар-птицей.
Мечты достойным стань, — кричит она, —
Сумей ещё разок переродиться,
И за собою в небо позвала.
Плечом веду — тоски остроги рушу,
И чувствую, как сильных два крыла —
Любовь и вера поднимают душу.

ЗАКАТ НА ДВОРЦОВОЙ ПЛОЩАДИ

Я размышлял что правит миром,
Сквозь арку к площади прошёл,
Где ангел с неба горделиво
Спустился на гранитный столб.
Зачем ты здесь, скажи на милость?
Безмолвен «дирижёр» и твёрд,
Послушно солнце закатилось
Под завершающий аккорд.

В ОТПУСКЕ

Скучно покачиваясь в вагоне сонном,
Ловя сознания тлеющие угольки,
Вдруг обожгусь о «не хаживали долго
Мы вдоль по
набережной Петропавловки».
Ждите, друзья, в святой белоночный город
Скоро вернусь, и стихами восторг даря,
Той, что над Лахтой небу стала опорой,
Признаюсь в любви, и вдруг обагрит заря
Всю её, принято признание словно.
Даже, возможно, взаимны чувства, поэт,
Только по возрасту ты мне совсем не ровня,
И я подумаю парочку сотен лет.

НОЧНОЙ ЭТЮД

Над водою желтит огнями
Петербург. С берегов Нева
Разлинована, и дождями
Сходит черная синева.
Ветер небу сурово вторит,
Стоном северных льдов звучит, –
Видно, встречу мне град готовит
И зовёт на мосты в ночи.
Осень поздняя, нет рассвета, –
Тучи застили небосвод,
Лишь Эвтерпа ведёт поэта
Над волнами огненных нот.

НАШ ПУТЬ

Бог, Родина, Отечество, Семья
Могучего народа явь рождают,
Свой образ словом в каждом утверждают:
Аз бога ведаю, глаголю, это я.
Навеян человечеству туман,
Но знай дорогу — не пойдёшь другою,
Шагнул вперёд, не шевеля ногою,
Тогда и опыт снов на пользу дан.
Награды оставляют для слепцов
Идущие по жизни правды ради,
Их тропы строками счетверены в тетради,
Их карты сотканы узорами волхвов.
Победа искренних не примет колдовства,
Перекликая родичей пред битвой,
Не ритуалом славят их — молитвой,
Где сердце знает нужные слова:
Бог, Родина, Отечество, Семья.

Виктор Царев

Выпускник 1991 года, закончил биофак, работает в СПбГУ

ЛАСТОЧКА. СТАРЫЙ ПЕТЕРГОФ — БАЛТИЙСКИЙ ВОКЗАЛ

*Е*два заметна неба просинь.
Я повторяю старый путь.
В свои права вступает осень.
Не сразу, плавно, по чуть-чуть.
Сложилось. Пользуясь моментом,
Вновь познаю эмоций смесь
И вспоминаю, как студентом
Я каждый день катался здесь
Туда-сюда составом скорым.
С тех пор прошло немало лет.
Но вновь проверен контролёром
И мечен розовый билет.
— Дух электричек, — долго царствуй!
Напомни, что не досказал.
Забыл меня?... И снова здравствуй,
Родной Балтийский мой вокзал!

ПО РОДНОМУ КРАЮ

*К*аникулы семейные недолги,
Загар и блеск в глазах берём домой.
Ещё недавно мы купались в Волге
В волнах зелёных вод под Костромой.
Мы были, где дух древности витает,
Где сложен исторический остов,
Глядя, как Ярославль процветает,
Как чуден белокаменный Ростов.
Лесной наш край наполнен птичьим пеньем,
В нём славится величие и ширь.
Нас провожал своим благословеньем
В Переяславль-Залесском монастырь.
Там Храм как добрый друг прощался с нами,
А в небе, знаком случая ль(?) игры,
Возникли над старинными стенами
Цветастые воздушные шары.
Везде добром Россия привечала
И, остановкой на пути назад,
Уже под вечер нас родня встречала
И Лаврой славный Сергиев Посад.
А через день мы гнали на пределе
Подков автомобильных и подпруг.
И автострада будто не хотела
Нас возвращать в отвыкший Петербург.
Теперь я, поклонюсь родному краю,
И с новой силой Родину любя,
Эмоции стихами изливаю
В прохладном Петергофе, у себя.

КАПСУЛА ВРЕМЕНИ

Далёкий друг, я утром ясным,
Пораньше встав, пишу письмо,
И в вашем будущем прекрасном
Тебя оно найдёт само.
Пусть речь моя не будет длинной,
Прошу, внимательней смотри,
Ведь, сочинённый всей дружиной,
Красивый текст лежит внутри,
Его перепроверив снова,
Мы вложим в капсулу листок,
Чтоб люди поколений новых
Не забывали свой исток.
Слова и мысли бьют потоком:
Придумал мудрый человек,
Как нам послание потомкам
Отправить в двадцать первый век
Комфортной маленькой ракетой
(Уж скоро стартовый отсчёт).
В стене обычной школы этой
Она продолжит свой полёт
Красивой серебристой птичкой,
Что сделал Мастер по труду.
Здесь, за привинченной табличкой,
«Открыть в каком-то там году».
Пройдёт годков не то, чтоб слишком,
А ценный груз дождётся тут,
Когда послание мальчишке,
Как я, прочесть передадут.
Вам в мирном веке двадцать первом,
Наверное, прекрасно жить,
Есть связи с каждым континентом,
Легко общаться и дружить.
Ох, хоть одним глазком бы глянуть
Как стало в будущем у вас,
Как покорили океаны,

Освоили Луну и Марс.
И электроника повсюду,
А дома киснуть нет причин,
Ведь моют роботы посуду,
И сами ходят в магазин.
Надеюсь, вам ещё не поздно,
Поразобравшись, что к чему,
На гипердвигателе к звёздам,
Искать собратьев по уму?
А может, миром правят дети?
Вот я любого научу...
Конечно, ты бы мог ответить,
Жаль, я ответ не получу.
Кому, чему учиться ныне,
Я догадаюсь ли едва,
Здесь, в Припяти, на Украине,
В любимой школе номер два.
О древних нас грустить не надо,
К тому же, может, мы родня.
Письмо большое от отряда,
Записка — лично от меня.
Тебе привет отправить чтобы,
Старались все, что было сил.
Но я успехами в учёбе
На это право заслужил.
Зарядку делаю с рассветом
И октябрятам, как пример.
С коммунистическим приветом,
Простой советский пионер...

ПЕТЕРГОФ НЕПАРАДНЫЙ

*Ц*елебный местный воздух лечит раны,
Нет суеты и дышится легко,
Здесь в бочке по дворам совхоз «Поляны»
Холодное развозит молоко.
Не блеску, там, где дух клубится стадный,
Я посвящаю скупость этих строф.
Ты дорог мне покоем, непарадный,
Величественный духом, Петергоф!

Дмитрий Ярошенко

Выпускник 2007 года

НИКОГДА

*Н*икогда, отныне и навеки
В жертву ты родных не приноси!
Не лишай возлюбленных опеки!
Хватит вечно складывать шасси.
Скажешь: «Что за чушь? Понятно дело!
Тоже мне, Америку открыл!»
Только вот задумайся всецело:
Так ли благосклонен к близким был?
- Снова очень срочная работа,
Снова поздно вечером приду.
- Я была к подобному готова...
Ладно, на плите найдешь еду.
- Папа, а когда ты будешь дома?
Я с тобой мечтаю поиграть!
- Жаль, сынок, сегодня занят снова.
Будем в выходные зажигать.
Вот и воскресенье, наконец-то!
Молвишь, головою потряся:
Обещал помочь я другу детства,
Обещанье нарушать нельзя.
Маме не звонил уже неделю.
Занят. Напишу ей пару строк.
— Мам, все хорошо. Забот — не в меру!

— Верю! Молодец! Трудись сынок!
Нет! Не обеляй себя невинно
Благостным букетом дел в руке.
Исчерпав до дна, на дне и сгинешь
В этом пониманья руднике.
Брось привычку жертвовать родными,
Оставляя их на произвол!
Помни: в океане злой рутины
Близкие — единственный атолл.

*К*ак сложно другом быть тебе!
Как тяжело остановиться!
Встречать глаза твои в толпе
И запрещать себе влюбиться.
Звонить...Твой голос...И в сердцах
Вслух ликовать! Но радость эта
Вновь затерявшись в проводах
Не долетит до абонента.
Писать в коротком письмеце
Про радость, счастье и беспечность!
А восклицанья знак в конце
Опять свернется в бесконечность.
Сквозь дождь и град к тебе бежать,
Чтоб хоть на несколько мгновений
Тебя, хорошую, обнять,
Освободившись от сомнений.
Как сложно другом быть тебе...
Бегут с рабочей смены звезды,
Шесть на часах, заря в окне,
И я...Уснул...Обнявши воздух

2008 г.

*В*ысушен. Вытравлен.
Предан забвению.
Я одного цвета с собственной тенью.
Стерт. Обезличен.
Внутренне выщерблен.
День новый стал для тоски просто пищей.
Ночь...Снова утро...
Без признака проблеска...
Хоть пару нот дорогого мне голоса!
Ключья, лохмотья
Холстины оборванной
Вместо картины, лучами рисованной.
Свет!... Монитор —
Дверь в пучину безмолвия...
Нет, не найти там спасенья искомого.
Вакуум. Пустошь.
Отсутствия звука.
Так выжигает душу разлука

2017 г.

Владимир Половинко

Выпускник 2022 года

*М*рачная улица. С горечью кофе.
Измятая книга и старый альбом.
И в памяти юность,
Что жила в Петергофе...
Кажется, сбывшимся приторным сном.
Слезы к глазам. И ветер в лицо.
Все как тогда. То же время и место.
Только, увы. Я не встречу тебя.
Кольца на нас. Ты чужая невеста.
Мрачная улица. С горечью кофе.
Что ты всегда так любила во мне?
В памяти чувство,
Что жило в Петергофе,
Все двадцать лет мне являлось во сне.

София Амгерова

Выпускница 2023 года 11М

Я иду по родным коридорам
В термкружке ромашковый чай,
А вокруг все уже так знакомо,
Вроде целая жизнь прожита.
Из спортзала доносятся крики,
Там сегодня проходит финал.
Я иду к своему кабинету,
Там десяточки пишут матан.
Ухожу уже в глубь коридора,
Слышу тихие звуки фоно,
Это кто-то играет Шопена,
Только что мне понять не дано.
Иду дальше, налево, в общагу,
Что мне стала дома родней.
Здесь доносится шум отовсюду,
А с друзьями мне вновь веселей.
На посту, как всегда, воспитатель,
Она скажет: «Привет, как дела?»
Я отвечу ей с ноткою грусти:
«Не хочу улетать из гнезда...»
Тишина вдруг прервется вопросом:
«Можно вещи сейчас постирать?»
«Там всё занято, будешь пятой,
Я тебя запишу в тетрадь»
Вот я в комнате, метр на метр,
А уютно здесь, будто их сто!

Вся стена в фотографиях с лета,
За окном, впрочем, тоже тепло.
У меня есть блокнот и любимый енот,
Они видели тут всё, что можно.
Это были стихи, это были друзья,
Это слезы ночами в подушку.
На часах семь утра, я открыла глаза,
А вокруг всё совсем другое,
Нету фоток моих и кровать не та,
Воспитатели больше не будят!
Сердце рвётся туда,
Где нам было всегда
Очень весело, очень комфортно,
Где мы прожили лучшие годы...
Мы придём, через год или два,
Хоть и станем совсем другими.
Но пройдемся по всем местам,
Они будут всё так же родными...

София Попова

Выпускница 2023 года 11М

Я изФак, МатМех
И АГшка где-то в стороне
ХимФак, ПИЯФ
И туда так долго ехать мне.
Но расстаться нам с тобой пришлось,
Устная геома, Физика утёрла детям нос,
Очень тяжело нам
Сессия дается нелегко,
Но ведь все сдадим мы
И географы и инфо-класс,
Им дай Бог на 3 бы...

ПЕСНЯ

Я вновь в гимназии, солнце яркое,
Тётя Катя сильнее всех в мире
Я снова иду на пары, и вновь
дистант — я в прямом эфире
А перемены такие большие,
не важны мне чужие слова,
И я вновь за партой,
и вновь плачь из-за матана,

Это я! Не хожу на последние пары,
И восьмёрки покоя никак не даёт,
А все те, кого я посчитал врагами,
Просто сделали год, просто сделали год,
Это я, вновь мечтаю остаться на паре,
И все знают меня, говорят, что хотят мне помочь,
Я стал сильнее, и никак не вернусь за парту,
Мне осталась последняя ночь.

Валерий Древлянский

Выпускник 2023 года

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Город кривых зеркал,
Что меняет сознание безумно.
Город, что словно вулкан,
Окутал меня магмой столь глупо.
Город пороков и город мечтаний,
Город мостов разводных.
Город печали и город страданий
Останется в стенах родных.
Город дождя среди ясного неба,
Город цветущих садов,
Город каналов и рек бесконечных
Меня не отпустит с оков.
Город прекраснейших видов рассвета,
Город — сорвиголова
На ухо мне тихо и нежно прошепчет:
«Тебя заждалась уж Москва»

ПРОБА ПЕРА.
СТИХИ УЧАЩИХСЯ

Агнесса Полецулк

Ученица 8К класса

ВРЕДНЫЕ СОВЕТЫ ДЛЯ ГИМНАЗИСТОВ.

Если в СПбГУ учиться ты собрался этим летом
И не знал, что за наука конвергенцией зовется,
Думал, может, физкультурой или танцем обернется..
Продолжай в таком же духе, зажигай разнообразно,
Спи, купайся в жизни праздной!
Все равно ведь будешь глупо на вопросы отвечать,
Если хочешь только двойки на уроках получать!
Если ты по коридору мчишься, словно страус эму,
И не видишь, что директор вышел прям из-за угла,
Не здоровайся любезно!
Помни: он тебя не знает,
Бег свой смело продолжай!
Ты всего лишь первый год здесь –
В это твердо верь и знай!
Если ты сидишь, допустим,
На строжайшей на диете,
И не кушаешь, конечно, после
Так часов шести,
Грезишь стройною фигурой,
Возвращаясь с тренировки
Или хоть из музыкалки,
Нервы ты побереги!
Ведь в столовой добрый повар

Ужин для тебя припрятал.
С аппетитом ужин сломай
И нагуливай жирок!
Если спросят на уроке, где домашнее задание?
Отвечай, что не обязан ты об этом сообщать.
И тогда в ужасных снах лишь, под родителей ворчанье
Виртуально сможешь даже ты пятерки получать!
Есть на свете немало поучительных книг:
«Геометрия», «Физика», даже «Русский язык»!
Только если ты с детства читать не привык,
То теперь и не надо, ты зря не трудись,
А пораньше в кроватку уютно ложись.
Митрофанушкой будут тебя называть,
Если книги не будешь, дружок, открывать.

Никита Варавя

Ученик 8 класса

Сказка — ложь,
А ложь — неправда,
Неправда боль в себе таит.
Но боль — иллюзия, обманка,
Чтоб затушить плохие чувства.
Ведь чувства — это не пожар,
Зачем тогда их тушат?
Чтоб не осталось огненного пламени,
Ведь это пламя всполохнет в один момент.
И человек перегорит, его покроет пеплом
Прямо с ног до головы.
И будет мрак ходить, и серость
среди таких вулканов.
Боль не нужна. Боль убивает.
Любите и цените жизнь! Ловите позитив!!
И не придётся вам себя тушить!

Кристина Великоновцева

Ученица 8М класса

ОСНОВАНИЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

*П*о центру города гуляя
Царя Петра я представляю,
Как шел он у берегов Невы,
Смотрел он вглубь ее воды.

Как видел шпиль Адмиралтейства,
Как совершал лихие действия,
И наслаждался красотой
В прекрасном граде над Невой.

Пришлось немало потрудиться,
Чтоб в красоте сей очутиться,
И начиналось все с нуля,
Но оказалось все не зря.

И только город наш родился,
И первый камень появился.
Спустя совсем короткий срок
Наш город полностью промок.

И град взмолился о спасении
Ведь началось в нем наводнение.

И длилось несколько часов,
И чуть не смыло град Петров.

Но Петр Первый был умен
Стал город лучше укреплен,
Стал строить император флот,
Вносить указ на рост бород.

Когда позвал к себе Трезини,
Не строил больше в древесине.
Стал строить только из камней.
Назвал столицей град он сей.

Егор Кузин

Ученик 10И класса

ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС ИНФОРМАТИКОВ

Мы все тот день благословили,
Когда в АГ все поступили.
И вот поём мы эту оду
Во славу нынешнему году.
Ещё в предшествующие лета
Имела власть над нами Лета.
В терзаниях тягостных забвенья
Искали путь мы покоренья
Гранита лёгкого прозренья.
Но словно страшное затмение,
Повергло разум наш в смятенье
Ночи холодной порожденье.
Но виден яркий луч просвета:
Настигло время для обета.
Пришла нам весть про храм Афины,
Что словно грозный паладин,
Хранит во веки он один
Чертогов разума глубины.
Взирает ввысь он как Колосс,
Украшив собственный Родос.
Воздвигнут выше всех других,
Атлант наук он столь благих.
Но тяжек путь до нашей цели:

Стоит у входа в храм грифон,
Проводит испытанье он.
И все, кто были там, робели.
Но нет преград для силы знаний,
Пройдём весь путь для сих желаний
Подобно Аргонавтам — храбро.
И наше знанье есть руно.
Стоим у врат в чертоги знаний
Возникли грёзы созиданий.
И вот тот миг, сменивший тон:
Пересекли мы Рубикон.
Как будто лёгкий электрон
Летел, и встретился протон.
И в нас вселился сам Платон
Когда вошли в сей Парфенон.
В мандраж и страх, в каскад смятений
Повергли нас пути учений.
Обдумав жизнь пройдённую,
Споём элегию претёмную.
Воззрим в грядущее мы важно
И примем вызов сей отважно.

Кагетова Дарья

Ученица онлайн школы 7А класс

В гимназии я этой, обрела себе друзей.
А может и «семью вторую», и самых близких мне людей.
Я пожелать хочу ей, процветанья и долгих дней,
чтоб расширялась всё быстрее!
Учителям: здоровья, радости побольше!
А мы с 7А классом, стараться будем больше!
Нравиться ль мне здесь учиться?
Что за вопрос? Конечно да!
Ответ уж очевиден:
Учителя-восторг, как и всегда!
К чему клоню я оду эту?
К тому что лучше школы нету!
Сердечно вас я поздравляю,
Не подведу! Я обещаю!

Павел Каниковский

Ученик 10Б класса

О, воспоенная надменной
Праведно душой своей,
Ютишь крылом наук священных
Сынов своих святых идей!
Сопровождая праздный век
В союзе дружеских согласий,
Академической гимназии
Сошёл шестой десяток лет!
Коль мудрость возрасту покорна,
То знаешь ты, наверняка,
Как знаний гений беспокойный
Неукратим в младых годах;
Как он восходит новым солнцем
Над миром выжженных надежд;
Над главами былых невежд
Он твоей силою питаем!
Университет наш отчий так
Питал когда-то тех былых,
Живых поныне в их трудах,
Отцов науки, волевых
Своим умом в веках прославить
И свет познания над тьмой,
И дар России сим оставить,
Чтобы отныне впредь с тобой
Мы, единённые судьбой,
Великой мудростию править

Анналы истины крутой!
Как завещал нам Ломоносов
Просветлять свои умы,
Так отроков своих возносишь:
До высшей в небесах звезды
Ты нас сквозь бури проведёшь!
Вскормлённая балтийским громом,
Дела наследуешь Петровы
И долг свой с честью несёшь!
И пусть ненастные штормы
Великий берег тщетно бьют:
Его крепит гранит наук —
Венец красавицы Невы!
Без мук гореть звездой на небе
Невозможно, но и то
Осилить можем, ведь потребно
Нам не хлеба, но святой
Твой дух пронести в своих делах;
Увидишь ты! В своих годах
Тебе не диво любоваться
Вершением несметных дней,
Когда и твой отец Фаддеев
Восхищался так тобой!
Так будем мы преобразаться
Над глупости безумья бездной;
Не знамо нам знаменье бед
В трудах великих мудрых дел!
И ты так, родная гимназия
Узришь нас в небе через век!!!

Василиса Лазарева

Ученица 9Е класса

КОГДА ВПЕРВЫЕ ОКАЗАЛАСЬ

*К*огда впервые оказалась тут,
Немного растерялась.
Но помогли общение и труд,
Команда укреплялась.
Прошел лишь месяц
Я уже как дома.
Воспитатели утешат, мне твердя:
«Ну, не получишь ты сейчас диплома,
Успеешь показать еще себя»
Учителя научат, новое расскажут,
Неведомые темы объяснят
Друзья о списанной домашке не расскажут
А просто тайну эту сохраняют
Душа полна любовью и признанием,
Гимназию хочу отблагодарить
За новые возможности и знания,
Которые сумела получить!

Ли́за Со́рокина

Ученица 10 класса

Я боюсь начинать стихи,
Ведь они насквозь про меня,
Может, глупы и детски наивны,
Но открыты нити души.
Я боюсь написать о любви
Вдруг обман в этом,
Ложь, не искусство...
Лишь с опаской поверила в чувства.
Не умею писать о природе...
Не могу описать весь восторг,
Что испытаешь, в глаза её глядя,
Не достойна поднять перо.
Тяжело мне писать про себя,
Все проблемы вываливать вновь,
Заставлять ещё в них разбираться...
Вас избавлю от лишних слов.

Зима, комната с открытым окном,
Остывший кофе, дуновения слов,
Переплетение пальцев, а реалистичность снов
Запуталась в волосах поцелуем.
В памяти лежат под пледом
Поле ромашек, лёгкость духов,

Нежность берёз, просторы полей,
И широты души, где когда-то
Словно маленький призрак
С большой добротой окутал
Тот огонёк, что вот-вот бы погас,
Но зажётся огромным костром
И тот маленький мальчик сидит у огня,
Понимая, что призрак здесь. Рядом.
Они поменяются ролью,
Зажгут всего два уголька
И не будет уже столько боли,
Найдётся момент для встречи,
Сотрутся километры расстояния,
Зажгут друг другу солнце,
Больше не захлебнутся в слезах
Они снова откроют окна
Сделают шаг навстречу судьбе
И по-новому любима зима.

Зажётся Петербург, ночной автобус
Словно плывёт по мостам,
Стук серьги под французские песни,
Мой измученный взгляд,
А в лёгких цветут ромашки,
Не позовёшь ты меня на танец,
Я это знаю, что греет мне душу:
Ты болеешь не мной, а я не тобой.
Нас обоих должно успокоить,
Чтобы дальше смотреть в небеса,
На листву и в другие глаза...

Алина Платонова

Ученица 10Д класса

*П*уть на Собственный проспект
Уж проложен много лет
Эти стены помнят смех,
Радость от больших побед,
Помнят все ночные бдения
И научные мучения ...
По паркету месяцами
Мы выхаживаем с вами
Шаг за шагом постигая
На проблемы не взирая!
Вдумайтесь! Шестьдесят лет!
Шутка ли? Конечно нет!
Сколько вложено стараний,
Ведь АГ- предел мечтаний!
Каждый, кто читает это
Вспомните начало лета!
Всех богов ведь умоляли,
Чтобы баллы мы набрали.
А теперь смотри, мы тут!
Нас здесь любят, нас здесь ждут!
Продолжатели традиций,
С вами мы — новые лица!
В добрый путь! Давайте хором!
С ЮБИЛЕЕМ КРУТАЯ ШКОЛА!!!

Егор Селезнев

Ученик 9М класса

*Г*имназия — мой дом родной
Она поддержит и согреет
И не разлучат нас с тобой
Никто! Никто уж не посмеет.
У нас с тобой невидимая связь
У нас с тобой есть знаний нить
Она есть главный в жизни аз
Она — основа пирамид.
Наставники, коллеги и друзья
Ты нас объединила крепкой цепью,
Надежной цепью знаний, не тая
Ты нас соединила общей целью.
Гимназия, спасибо говорю
За каждый день за знания и силу
И все проблемы я смогу осилить
И я судьбу свою благодарю!

Анастасия Солодай

Ученица онлайн школы 5А класс

С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ НАША ШКОЛА!

*Р*одная наша школа,
Вот уж юбилей у Вас настал.
Хочу сказать Вам добрым словом
Что вторым домом моим стал.
Ты с миру по нитки
Здесь всех нас собрал,
Чтоб я на ЕГЭ
Конечно, отлично все сдал.
Зайдем мы в знаниум, потом в дневник
Ах, как же велик, ты русский язык!
Побродим по сайтам, мы в этой сети
А не пора ли в знаниум вновь зайти
И нет для нас другой награды
И пожелать мы очень рады
И процветания, и побед
В твои всего 60 лет!
И будут помнить все ребята
Простую истину одну
Мы гимназисты! Это — свято!
Мы дети все СПбГУ.

Султан Раствахиев

Ученик 11И класса

В академической гимназии,
Таланты молодые расцветают в ней.
Знания и наука — важнейший закон,
Здесь воспитываются будущее гении.
Преподаватели — мудрые наставники,
Учат студентов красоте и гармонии.
В аудиториях звучат умные речи,
С первых шагов молодёжи мудрость рождается.
Академическая гимназия — ковчег знаний,
Где открывается дверь в мир
Ученики стремятся своей целью пройти,
Идти к успеху, к светлому будущему навстречу.
В академической гимназии,
Таланты растут и заставляют мечтать.
Здесь формируется элита страны,
Где каждый может свою дорогу найти.

Светлана Шеклеева

Ученица 10 класса

И даже если свет, который можно видеть глазом
погаснет в мире — там, где было солнце,
и если птицы все замолкнут разом,
и если воздух станет ядовитым газом,
и если ход наружу станет тесным лазом
ты навсегда останешься моим алмазом —
сверкающим ключом, откуда нежность льется.
рассыплются все козырные карты,
и диссонансом обернутся озорные кварталы,
и звёзды разойдутся в стройном беспорядке,
пока есть ты — я навсегда буду в порядке.
пока есть ты — смогу прочесть я столбики из нот и пауз,
сыграть все то, что считаешь сладким и прекрасным
(и что моей душе покажется прогорклым и ужасным),
пока есть ты — я никогда не потеряюсь.
есть ты, мечты, коты, мосты —
все то, что заставляет сердце биться
и взгляд надеждой неприкрытою искриться,
все то, в чем безопасно искренне забытья
все то, во что мне невозможно не влюбиться.
весь шелк прикосновений и пряность наваждений,
и эфемерность отражений, и многогранность всех значений,
и шелест уходящего заката,

щелчок затвора фотоаппарата
трепещет. сердце рассыпается доверием,
к теплу заветному мучительным стремлением,
что обжигает хрупкие, закутанные в шаль рябые плечи.
я прижимаюсь ближе, зажигаю свечи,
пока в моих ушах не затихают тихие и милые нутру
твои чужие наши речи,
я знаю — страх внутри очеловечен
(он тянется к тебе в погоне за спасеньем
отдергивает пальцы глядит вовнутрь с сомнением
я вытравлю его я обещаю он не помешает
пока он есть пока что он не забывает
прошлого, но я перешагну, клянусь
обратно больше ни за что не обернусь),
и тот незыблемый покой почти что совершенно вечен
позволь мне только до конца тебя понять
и может быть когда-нибудь по-настоящему обнять
среди невиданных цветов сплету венки из тихой лжи
и подарю тебе с улыбкой неизменной,
в ответ я получу твою — что больше, чем любовь
и неизменно, но прекрасно лжива,
и распускаются среди заброшенной той нивы
так сладострастно пахнущие ивы,
на вид — хитросплетение ходов,
как лабиринты мыслей беспросветных,
как, затерявшись среди туманов предрассветных,
и, спрятавшись в густой траве — мечтать.
мечтать и верить понарошку
мечтать, кладя звезду в ладонь,
что жжется больно и слезливо-ненадёжно,
горит внутри и плавится как только можно.
ты посмеешься; знаю это точно,
поэтому я встану с новым солнцем в новый день
и глупость сделаю нарочно,
оставшись, как бесчувственная тень.

Нока над полем ветер вьется,
в душистых зарослях ютятся,
я берегу под сердцем солнце,
безмерной нежностью томясь.
не слышен больше голос твой уставше-нежный,
в груди остаток чувств легко сожгу,
но не забуду никогда,
как океан, покойный и безбрежный,
целует светлую луну.
сплету навеки шелковые нити —
меня Вы их просили сохранить, на шее утая,
Вы только мне, пожалуйста, не врите
и извините, Вы — любовь моя

Костер горит, вода кипит,
и я в пути, в пути домой,
и не угонится за мной
ни ветер злой, ни снег седой,
тяжёлый зной и волчий вой.
и дождик лёгкий моросит,
охапка листьев в рукаве
желтеет, будто в сентябре.
окутанные паутиной ивы
склонились вниз, уж так ленивы.
я собрала осколки звёзд
и грею их на водной бане,
птенцы чирикают из гнезд
и хорохорят перья.
звезда кипит в моем огне,
сияет ярко только мне
и позабыта келья.
я звездный факел удержу в руке,
осветит путь он мне на километры.
иду вперёд — домой — я налегке,

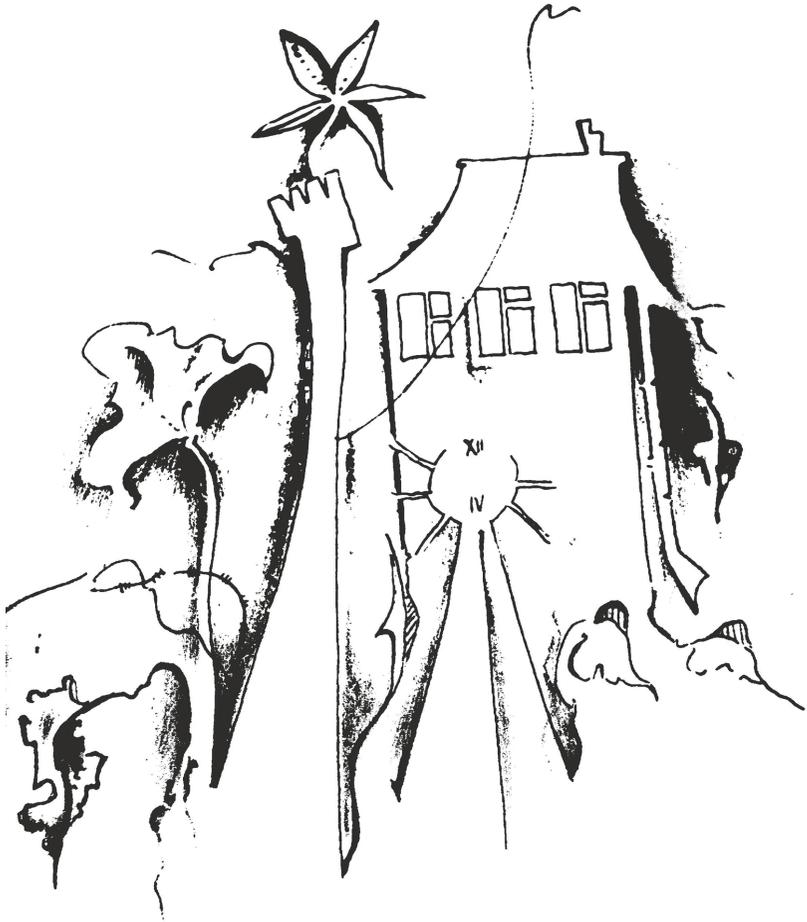
и на ногах изношенные гетры.
забуду все, за что держалась
(держу лишь факел невесомый),
я помню, долго сомневалась
теперь я оставляю лес знакомый.
мой дом — свобода и огонь,
теперь всегда он будет рядом.
нектар, пропитанный смертельным ядом
сожгу на солнце; буду жить
и по течению жизни плыть
пусть и ни с кем — зато непринужденно,
одна насобираю бревна,
построю птичкам дом,
чтоб не тужили в нем
и вспоминали, как о доброй маме,
ну что ж, а я прощаюсь с вами.
пойду вперед, где светит солнце —
портал меж разным
и мирами.

*With dry eyes i watch your suffers
getting stabbed from vile others
i dont know how grasp you offers
i don't know how show you amors
hit glass rocks, my useless hands
i'm afraid of empty ends
i am lost among the sands
i explore wasted lands
madly dream return to you
feelings of a frightening hue
make mistake and breaking down
like an dumby little clown
i am weak but won't give up
bloody marks on crumpled map
eyes of contempt, cruel trap
find the way and sadly wrap*

А для тебя все песни мира; любимое изделие слепого ювелира:
массивное кольцо с огромными цветами, скупой узор, обильно политый
слезами
в котором вся душа моя. излита неумело и нелепо; боюсь и улыбаюсь,
надеюсь, но не жду ответа, прости — я так стараюсь
не забываться в этих лицах, маячащих на горизонте. но поздней ночью
мне не спится, смысл погиб на фронте
я здесь своя, наверно, вроде, за всех и всем в бою стоя я забываю о
свободе,
но только ты — моя мечта, единственная в комнате свеча, столь
эфемерной жизни полнота, и перед низостью моей глубокая черта; души
благая чистота, в тебе все светлые цвета, и будто не страшны мне холода,
и ничего не страшно больше никогда. лелею мысль тебя увидеть; боюсь
заставить раз и навсегда возненавидеть. стоят со мною рядом. на шее —
кончик острия. ты знаешь, кто, любовь моя?

ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Анна Алексеевна Карцова

Преподаватель химии АГ СПбГУ — 45-й физ.мат интернат
при ЛГУ; профессор СПбГУ.

« *Общенье душ — не выдумка совсем...»*
Не чьи-то фантастические бредни.
Мой дорогой, мой умный собеседник
Глубинных и невыдуманных тем.
Какое счастье и... Удел какой —
Проникновенье душ вне расстояний.
Переплетенье дум. Всепониманье
Почти... Над бездной слов и суетой.
Такой удел!
Ты вышел на балкон,
И тонкий месяц вдруг засеребрился,
На синий бархат ночи просочился...
...А я открыла в этот миг окно.

Вакрой на миг глаза и вскоре
Под мягкий плеск морской волны
Услышишь ты другое море,
Куда не возвратимся мы.
Соленый воздух рассекая,
Летели волны напрямик.
Мы отступали, понимая,
Кто здесь владыка и кумир.
Еще чуть-чуть, и небо скроет
Бурлящий вал морской волны.
И только море, только море,
Куда не возвратимся мы.

— Ну, как дела?
Чего грустишь?
— Да. вот беда какая:
Совсем не пишутся стихи.
Куда ушли, не знаю.
Ушли и погасили свет,
Смешав «вчера» с «сегодня».
И дождь, как дождь, и снег, как снег,
Совсем не новогодний.
Рука в руке..
А, впрочем, ах,
Зачем?!
— Вы что простились?!
— Да, так расстались впопыхах
И не поговорили.

Здесь время вырвалось
из плена
Привычных ритмов
бесконечных.
Мгновеньем посягнув
на вечность.
И вечность кажется
мгновенна.
Задержан шорох, шепот.
Тот же
Летящий снег — в фонарь со звоном.
И в шарф закутался
прохожий.
И взгляд глухой и отчужденный.
...А там внизу выносят свечи.
Сверкает елка. Пляшут дети.
Звучит рояль...
Щемяще вечен
Санкт-Петербург из окон этих.

ДОЧЕРИ

Ускрится снег в гирлянд
свеченьи
И предвкушает торжество.
Везенье иль предназначенье
Родиться прямо в Рождество?!
Из детства родом.
Добрый светом
Пронизан мир, куда пришел.
И, значит, точно, в мире этом
Всегда все будет хорошо.
Круговороты вьюг, апрелей
Слились в один прекрасный миг.

Но обретенья и потери
Немного изменяли мир.
И мир в себе.
И ранним утром
Когда растерянность и шок,
И мир обрушился как будто,
Шепнув: «Все будет хорошо»,
Ручонку детскую надежно
В ладони спрятала своей.
Родиться в Рождество —
возможно
Предназначенье жизни всей.
Сонет
Недвижны сосны. Крепок зимний наст.
Такая тишь, и я иду по следу.
Кто проложил его в столь ранний час?
Не суждено об этом мне поведать.
Что им владело: радость или боль?
Какая дума им повелевала?
Куда спешил? За счастьем? За судьбой?
Иль прятался от гнева и опалы?
А , может просто, он услышал зов
Почувствовал страдания и муки
Родной души? Туда идти готов,
Где так нужны его глаза и руки.
Успел ли он? Сумел ли не свернуть
И завершить такой нелегкий путь?

*Надежда Александровна
Башикирова*

Преподаватель географии

НА 30-ЛЕТИЕ ГИМНАЗИИ

*Д*рузья мои, мы всех Вас ждали,
Чтоб, наконец, провозгласить
Запрет унынья и печали.
Отбросим их — и мы в начале
Пути веселья и любви!
Пусть будет радостно и просто,
Пусть будет блеск зазданных тостов.
И пусть наш стол не для гурмэ,
Он все ж достоин восхищенья!
Омары, устрицы, буше
Мы создадим в воображении.
И чтобы было все в движеньи,
Банкет пройдет а-ля-фуршет.
И кубок мира, что по кругу
Пройдет свой путь от друга к другу,
Впитает всю благую волю
От сердца льющихся речей,
И вспомнит сотый юбилей!
Как высказать радость? Как высказать грусть?
Не выразить словом — теряется суть.
Так школа, гимназия, дом, интернат —

Слова золотые — в душе не звучат.
Вся музыка этих понятий больших
Несказанно выше словесных вершин.
Все эти слова — состоянье души.
Здесь разум и сердце, здесь вся наша жизнь!

НА 55-ЛЕТИЕ ГИМНАЗИИ

Да будет! Был глагол творящий
И где царит великий град,
Возник исток животворящий —
То было сорок лет назад.
И закипел поток бурлящий,
Несущий знаний яркий свет
И юности не проходящей —
Залога будущих побед.
Мы есть! Нас тысячи звучащих
В едином хоре бытия —
Все те, кто к школе был причастен,
Питомцы и учителя.
Нас время разделить не властно,
Все есть — гимназия моя!
Да будет! С каждой весной
Не иссякающей волною,
Звучащих вальсов выпускных,
Она дарить детей своих
Непрекращающейся жизни —
На благо крепнущей Отчизне!

К 50-ЛЕТИЮ В. Г.

О ставь все мысли о конце и о начале.
Все эти меры — символы печали.
Наступит завтра, канет день вчерашний,
Но жить ты будешь вечным настоящим.
Из века в век Господним проведением
Дано нам строить жизнь свою
Мгновенье за мгновеньем.
И выбор делать путь свой весь —
Счастливым быть сейчас и здесь.
Иль вечным мытарем скитаться,
Рискуя счастья не дожидаться.
Ты в миге каждом отыщи себя счастливым,
Созвучным с бесконечным миром.
И новым смыслом наполняя беды,
В единоборстве с временем земным
Способен ты одерживать победы.

К Е. П.

У свет, и легкость, и тепло,
И женственности вечной воплощенье,
Где нежность, сила духа и добро
Слились в одно прекрасное творенье.
С тобою всем спокойно и легко.
В стенах большого суетного дома
Твой свет коснулся детских душ.
Друзья, коллеги, дети, муж,
Все, кто Тебе родными стали —
С Тобой все, в ком есть Твой свет.
Их столько, что не хватит мест
В просторном юбилейном зале.
У широты души Твоей
Нет отведенного предела.
Она способна мир обнять,

Любить, терпеть и понимать.
В ней мудрость, с юностью встречаясь,
Потопят все Твои печали
На много, много, много лет
В Любви, которой выше нет.
Пусть даже в сотый день рожденья
Душою время победив,
Рождайся каждое мгновенье
Наперекор годам своим!
Пусть жизнь Твоя течет рекою
Среди прекрасных берегов,
И пусть Тебе опорой будут
Надежда, Вера и Любовь.

08.12.2014 г.

*К*то знает, сколько силы в незащищённости моей.
Судьба в распахнутых ладонях открыта всем.
Что толку знать кому-то, когда умру,
Иль линия ума моя не слишком велика,
Иль что-то там еще похуже.
Я не привыкла прятать руки, как, впрочем,
И судьбу мою, и душу,
Что создана на небесах.
Давно растаял жалкий страх
И я в Божественных руках,
И сила их в руках моих
Открытых, маленьких и нежных,
Способных зло остановить,
Любить и приносить надежду.

КТО Я?

Ужели вечно видеть мне
Себя глазами не своими?
Чей взгляд выносит приговор?
То, лесь в нем скрыта, то — укор,
То, ввысь летишь, то навзничь в нём.
То, стужей в душу, то, огнём,
То, ты красива и умна, то, вовсе — нет.
Так кто же Я?

Несчастье — не беда,
Удача — суета,
Разлука делает нас ближе,
Чем выше ты поднимешься наверх,
Тем падаешь ты ниже.
Смерть — новое рождение,
Болезнь — выздоровление,
И, если истину ты выразил в словах,
То это заблуждение.
Богатство — это плен, всё злато это тлен,
Давая, мы становимся богаче.
И, если это суждено понять,
Весь мир воспринимается иначе.
Богатство — есть Любовь,
Могущество — мышление,
Свобода — есть души извечное парение
И жизни нет конца, как нет конца творенью!

Ссоримся, миримся,
Ссоримся, ссоримся...
То мы обнимемся,
То мы расходимся.
Нам обменяться устами, глазами,
А не слезами и не словами.
Нам прикоснуться друг к другу сердцами.
Все, что имеем, мы создали сами.
Кажется, чудиться,
Кажется, кажется...
То — не забудется,
Это — накажется.
Оба мы правы в своих заключениях.
Мелочь имеет большое значение.
Мелочи душу заполонили!
Где мы за ними? Сможем найти ли?

То — не шаг, не полет,
То — не бег, не ходьба,
То — попытка лететь,
оттолкнувшись едва.
Мысль уносит меня,
Я уже далеко.
Тело вновь отстает,
Не уйти от него.
То — земная судьба:
Не полёт, не тюрьма.
Словно замкнутый круг
И блаженства, и мук.
Как в сознание прочесть,
Это кара, иль честь?
Или может быть это работа
До седьмого и неба, и пота?

Смирнова Елена Анатольевна

Воспитатель

К 60-ЛЕТИЮ ГИМНАЗИИ

*Л*юбимая гимназия,
Тобою я горжусь!
Душа переполняется
Уж тем, что здесь тружусь!
Воспитывая девочек,
Воспитывая мальчиков,
Учась сама у них порой...
Ты знай, моя любимая гимназия,
Всем сердцем я всегда с тобой!

ЗИМА

*З*има, зима...
В наряде белом
Деревья, крыши, провода.
И зло шумит колючий ветер,
Толпу прохожих торопя.
Кружатся, падают снежинки
На тротуары, не спеша,
Как будто жемчуга-песчинки
Несутся к нам,
Себя даря.

Смирнова Елена Анатольевна

Мерцают звезды величаво,
Струится их волшебный свет.
А на душе тепло и славно,
Хотя мороз,
Туман и снег.

1971 г.

Струится дождик за окном,
Осенний агрибут.
На небе сером и хмурном
Сидит какой-то плут.
Он шепчет будто бы назло,
Чтоб дождь все лил и лил.
А ведь не так уж и давно
На небе свет царил.
Он треплет яркую листву,
Трава шумит под ним.
«Ну, успокойся, — я кричу, —
Ты все вокруг залил.»
Хоть Пушкин осень так любил,
Но я люблю весну.
Он так ее боготворил,
А я весной люблю.
Раздвиньтесь тучи побыстрей,
Уйдите от меня.
Мне солнце теплое милей
И трели соловья.

1971 г.

ВАЯТЕЛЬ

*Ж*изнь порою такое подарит —
Хочешь падай, а хочешь — стой .
То морозом под дых ударит,
То найдет изнуряющий зной.
То победа, то вдруг неудача,
За разлукою встреча грядет,
То расстройство до слез, до плача,
То в душе словно сад расцветет.
В среду — друг.
А в четверг — неприятель.
Был любим.
А сегодня — гоним...
Это жизнь — гениальный ваятель
Лепит нас по законам своим.

НОЧЬ

*Н*очами, будто день размножив,
Иною жизнью заживешь:
Чего-то скажешь, что-то вспомнив,
Кого-то в судьи призовешь.
Разложишь тщательно по полкам
Пережитое за весь день.
Подумаешь, что ты потомкам
Оставишь за собой лишь тень.
Молитву горько прочитаешь,
Слезинку тихо проронишь.
Все вспоминаешь, размышляешь,
Всем телом впитываешь тишь.
Ночами жизнь совсем иная,
Живее, чище и добрей.
И мысли шепчут, набегая,
А нужен ли вообще-то день?

МОИМ УЧИТЕЛЯМ

Промчались дни, недели, годы,
И стало вдруг ужасно жаль,
Что несмотря на все невзгоды,
Прекрасное умчится вдаль.
Порою было очень трудно,
Казалось, нет уж больше сил.
Порою было скучно, нудно,
У Бога помощи просил.
Но словно мудрый, славный гений,
Чей добрый дух нас согревал.
И он, конечно, без сомнений,
Частицу сердца нам отдал.
Преподаватели, родные!
Мы не боимся так сказать.
Ведь сколько раз вы нам дарили
Тепло души — не сосчитать.
Мы никогда не позабудем
Тех добрых и счастливых лет.
Тот путь тернистый, трудный,
Которым нас провел Университет.
Мы видим пред собой родные лица,
Улыбки и душевное тепло на них.
И пусть для вас надолго сохранится
Тот положительный итог трудов своих.
Мы так волнуемся, что сердце замирает.
Поверьте, сожалеем от души.
Простите, что порою огорчали,
И что в ковычках были хороши.
За то, что биохимию учили
Галопом по Европам, так сказать,
И что не все гормоны зазубрили,
И фотосинтез сложно нам понять.
Простите, что не поняли немного
Чем отличается научный социализм
От своего братишки такового,

Который назывался коммунизм.
И что закон для чистых популяций
Не каждый среди нас сумеет объяснить.
И что порой у нас ассоциация
Чего-то с чем-то и чего не может быть.
Но верьте, наши дорогие
Советчики и мудрые друзья,
Все то, что в нас вы все вложили,
То было сделано не зря.

Никита Юрьевич Неубетов

Преподаватель геометрии в АГСПбГУ, доктор ф.м.н.,
выпускник 1976 года

СТИХИ НА САЛФЕТКЕ

*У*читель шарит осторожно по журналу,
Урок от этого нам кажется страшней...
Четвертый месяц не видал родную маму,
Четвертый месяц я пытаюсь стать умней!
Есть у меня учебник фирменного свиста,
Шпаргалки старые, лопата без совка...
Имущества немного надо гимназисту!
Махнем, не глядя...
кружечку пивка!

Оксана Романовна Книш

Воспитатель

ПОГОВОРИМ О НЕЙ...

*П*оговорим о ней, о самой нежной,
Поговорим о той, что жизнь дала.
И детский сон спокойный, безмятежный,
Когда качает колыбель её рука.
Она в саду поёт, цветёт орешник,
И щебет птиц затих — ей в песне равных нет.
Её любовь, улыбка, безмятежность
Сливаются в один большой куплет.
Я засыпаю, слышу стук машинки-
Штаны порвал мальчишка-хулиган.
С утра штаны висят на стула спинке,
А вместо дырки там теперь карман.
Ролей у неё много в этой жизни:
Она портниха, лекарь и шаман.
Она прекрасна в главной роли — Мама!
Её Любовь — безбрежный океан!

Зовём кота — гулял, стоит в прихожей.
Всегда идёт он к ней. Но почему?
Подвинься, рыжий кот, я тоже
К её коленям голову прильну.
А в Новый Год вдруг вспыхнуло сиянье,
То в комнату Снегурочка вошла.

И все поверили, что сказка стала явью!
А мамы не было — куда то отошла.
Блуждает озорник в лесу — сбежал украдкой,
Да мать впотьмах дитя своё найдёт!
Ты не пытайся разгадать загадку-
То сердце материнское ведёт!

Поговорим о ней — о Самой Нежной.
Об этом много можно говорить.
Она источник Веры и Надежды,
Давайте матерей Боготворить!!
И мама ждёт ребёнка, стоя у калитки,
Не важно ему десять или шестьдесят.
Его встречает милая улыбка,
А провожает тёплый нежный взгляд.
Пока она жива- ты будешь дорог,
И защищён..
Ведь ты её ребёнок!

К 60-ЛЕТИЮ ГИМНАЗИИ

Сегодня осень, листопад,
А ты, сомненья нет, прекрасна.
Тебе сегодня шестьдесят,
Прожиты годы не напрасно.
От жизни всё решила взять,
Науки с рвением постигала,
И чтобы знания передать,
Ты жизнь свою с детьми связала.
В свои объятия принимала ты сотни, тысячи детей.
Да, в суматохе уставала,
Но сил всегда любить хватало
Своих сынов и дочерей.
Дарила им мечты, старалась
Любовь к наукам всем привить,
Всегда победам восхищалась,

Учила Родину любить!
Гимназия — стать, благородство,
Надежда, труд, стремленье вдаль,
И как награда за упорство,
В руках красуется медаль!
И позади побед немало,
Выпускников огромный ряд.
Мудрее, опытнее стала,
Тебе уже ведь шестьдесят!
А впереди длинна дорога,
Ты поведешь по ней ребят.
Побед, Успехов и Восторга!
Тебе всего лишь шестьдесят.

*Константин Эммануилович
Воеводский*

Преподаватель математики в АГСПбГУ, к.ф.м.н.,
выпускник ФМШ № 45 1966 года

ДРУГ ДИРЕКТОРА

Завуч Георгий Митрофанович водил по классам Владилена Николаевича — представлял народу нового директора, а директору — его новую паству. В нашем 9-г он начал с комсомольского актива, одобрительным кивком обозначил еще двоих-троих, но тут его указующая длань задумчиво повисла:

— Ну а это ... м-м-м...

Пока Г.М. подбирал слова, Ося неуверенно вставал, всем своим видом демонстрируя сомнение в уместности этого упражнения, как, впрочем, и во всем остальном.

— Ну, его мы все равно скоро отчислим.

К этому мы привыкли. Осю начали отчислять, кажется уже в октябре. В компании с ним и меня, но я, несмотря на преимущество в весовой категории, оставался в тени друга, что признаюсь, уязвляло мою гордыню. Впрочем, Любовь Ивановна — тогдашний директор — уравнила наши заслуги, подытожив очередную проработку резолюцией:

— Вас обоих надо выгнуть! — так она произносила вторую гласную в этом слове. Но почему-то всё не гнали.

Миновали осенние каникулы, выпал снег. За нас вступилась комсомолия. Не скажу, что весь ВЛКСМ, но комсорг Наташа — точно. Втроем мы предстали перед высшим авторитетом — Марком Ивановичем. Мы с Осей прогнусавили ритуальную формулу покаяния. Судя по лицу М.И., наш дуэт его не растрогал, и он перевел взгляд на комсомол. Я на его месте поступил бы так же.

— Я думаю, ребятам можно верить!

Откуда Наташа взяла это берущее за душу контральто! А устоять под сиянием этих голубых прожекторов? Для этого нужно быть со всем уж деревяшкой.

Под Новый год Любовь Ивановна распрощалась-таки со злополучной нечистой парой, но в более радикальной форме, чем было прежде задумано — ушла сама. От меня после этого отцепились, а от Оси почему-то нет, я должен все-таки признать его первенство. Не спрашивайте, что мы такого натворили, не помню. Глубинной причиной был неворосторженный образ мыслей, конкретнее сказать не могу, потому что к пятнадцати годам мой иммунитет так закалился, что я мог нечувствительно выдерживать часовую проработку и даже впадать в обморок, не приходя в сознание. Вернее, блуждая сознанием, невесть где.

Так вот, коронация нового директора — возвращаемся к ней — была уже во втором семестре, но Оську все ещё привычно гнали, хотя уже не так напористо. Однако, в такой праздничный день В.Н. никак не мог и не хотел быть суровым.

— Ничего, Ося, думаю, всё будет хорошо, вот увидишь. Мы с тобой ещё подружимся!

Надо ли удивляться, что Владилена Николаевича наш класс с того дня называл не иначе как «Оськин друг». Думаю, он это знал.

Как сон, как утренний туман, как с белых яблонь дым — пролетели полтора года. В августе мы веселой гурьбой поехали на Савушкина 61 — хвастаться, кто куда поступил и с каким блеском. Ося был с нами, хотя его первый приступ был неудачен. Позже он вырулил, но ... *Some times I'm up, some times I'm down*. Тогда — *oh, yes my Lord*, — у него был самый «down». Впрочем, Ося был невозмутим,

как в те, уже милые сердцу времена, когда Л.И. хотела его «выгнать».

Галдя, взбегаем на второй этаж и сразу — носом к носу с Владиленом Николаевичем.

— Ну, кто ... куда?

Бодро рапортуем, Оська с кривой усмешкой помалкивает.

— Ну, а ты как?

— Увы, никак... пока...

Интонация такая, будто он утешает директора, чтобы тот не расплакался. Ну, а как директору реагировать? Погрузиться в траур? Всерьёз вникнуть в суть? Посочувствовать в общем плане? В.Н. выбрал последнее, но с юмористической начинкой:

— Ну что ж ты! А ещё друг директора!

Ах, Ося! Ты не был бы собой, если бы сейчас мне пришлось сочинять за тебя. Но ты не подвёл. Блестящий финал этого скромного произведения ты выстрелил экспромтом 57 лет назад. Задолго, добавлю, предвосхитив неподражаемую интонацию ослика Иа — как бы примиряющую собеседника с неизлечимым несовершенством всего сущего:

— С кем поведёшься, ...

7 октября 2023 г.

ВЕЩЬ В СЕБЕ

Не в пример нашему несколько буйному Г-классу, в 10-В народ был неторопливый и рассудительный, но при этом мечтательный и себе на уме — северяне. Ну, а в тихом омуте... В этой своей задумчивой манере они иногда так озадачивали администрацию, как нам и не снилось. И совершенно этим не кичились, чем только подогревали мою ревность. В глубине души я сознавал, насколько их тихие каверзы элегантнее наших шумовых эффектов. Но, поперек натуры не попрёшь — каждому своё.

В 10-м классе у нас появилась новая наука — «обществоведение». Вести её взялся директор Владилен Николаевич (Оськин друг).

Он был во многих отношениях педагог-новатор, и к этой неведомой ещё науке тоже подошёл новаторски. Во-первых, счёл, что мы уже вполне доросли до лекций, и потому читал их сразу для двух наших классов. Во-вторых, совсем как у студентов, уроки объединил в «пары» — одну в две недели. А в-третьих, полагая нас созревшими для самообразования, на второй час каждой «пары» оставлял нас без присмотра (для самостоятельной проработки материала).

Наверное, учебников по новой науке тогда еще не напечатали, или наш лектор их не уважал. Первый в своей жизни учебник (правда, уже не обществоведения, а обществознания) я прочитал, когда мне было уже крепко за 50 — его забыл в столе какой-то школьник, а более подходящим развлечением на предстоящий педсовет я не запасся). Уроки Владилена Николаевича были непринужденными эссе на разные темы, преимущественно философские, каковую науку он очень уважал.

К стыду своему, я запомнил только две темы.

— Знаете ли вы, почему нельзя превысить скорость света? — неожиданно спросил он у аудитории.

И сразу сам ответил — написал на доске формулу, в которой при $v=c$ в знаменателе получался ноль. «А на ноль делить, как известно, нельзя», — подытожил он.

В те времена специальная теория относительности была бесконечно далека от школьной программы. Но физика была в моде, и какие-то фрагменты этой теории из популярных книжек в наших головах сидели. Так что в последовавшей дискуссии лектор и публика участвовали на равных.

Что касается второй темы, то в ней, думаю, наш лектор был намного впереди аудитории, за себя я во всяком случае ручаюсь. А мечтатели из В-класса вынесли с той лекции такое сильное впечатление, что у воспитателей долго потом не проходила головная боль. Рассказал он про Иммануила Канта и вещь в себе. Снова смиренно признаю превосходство наивных, открытых всему провинциальных душ, над выдавшим виды ленинградским скептиком. Я выкинул из головы Канта с его вещицей сразу после звонка, а они...

Захожу к ним в комнату, по делу или просто потрепаться — не помню. Они сидят какие-то тихие и радостные. Со значением на меня смотрят. Слегка вопросительно. Чего-то я не вижу, чему они придают значение. Что у меня — клякса на лбу или брюки расстегнулись? Да нет, все в порядке, а они взглядами подгоняют мое внимание к середине комнаты. А я таких вещей никогда не замечал: ну стоят у них все тумбочки гурьбой посреди комнаты — мало ли зачем, может, под будут мыть? А они подсказывают, что дверцы-то, смотри — все внутри этого каре.

— Вещь в себе!

Вот тут я почувствовал первый укол зависти. Мне такое в голову не пришло. Вот что значит, незамутненный детский взгляд! Вещь в себе — действующая модель! Я попытался внести и свой вклад — стал сочинять наглядное пособие по переходу количества в качество — ведро, переполняющееся от капель, но, это все было уже натужное эпигонство — громоздко, требует присмотра и пол потом подтирать. Не то!

Дежурный воспитатель, в отличие от меня, вещь в себе сразу заметил, без возражений выслушал объяснения, но порекомендовал это наглядное пособие тотчас демонтировать. Авторы, однако, рассчитывали на широкую аудиторию. Или, пожалуй, не так. Это я крою по своей натуре, а им слава была ни к чему, они хотели сами тихо радоваться своему открытию. И чтоб никто не мешал.

Не помню точно, как долго они упорствовали. Кажется, администрацию раздражало недоумение — зачем? И бессилие подыскать подходящую формулировку — за что (наказать)?

Но как-то рассосалось. С большим опозданием отмечу в этом и заслугу администрации.

9 октября 2023 г.

ПЕРЕКЛИЧКА
(находка фольклориста)

За этой находкой не пришлось ехать ни в горы, ни в джунгли, ни в захолустье. Она ждала меня на 5-й линии Васильевского острова 6 июля 2017 года. В арке дома № 66, где расположен студгородок СПбГУ, на стене были намалеваны строки, в которых легко угадывался отклик на стихотворение Иосифа Бродского «Ни страны, ни погоста...» (по понятной причине оно особенно известно именно на нашем острове). Степень сохранности позволяет примерно датировать надпись июнем того же года. То есть порою, с одной стороны, белых ночей, с другой — подведения итогов весенней сессии, не всегда утешительных. К сожалению, стихотворение не подписано.

Сохрани мою тень,
эту надпись не нужно стирать
Всё равно я сюда
никогда не приду умирать.
Всё равно ты меня
никогда не попросишь:
«Вернись».
Если кто-то прижмется к тебе,
дорогая, стена,
улыбнись.

Вот как это выглядит на местности. Вернее, выглядело тогда — последовавшего косметического ремонта этот памятник письменности не пережил. Наша публикация сообщила ему новую жизнь, и как знать — не попадет ли экземпляр «Эха» на глаза автору? Дорогой друг, если ты автор, откликнись (контакты см. в выходных данных).

Ольга Дмитриевна Колеватова

Воспитатель, педагог-организатор

СЛУЧАЙНЫЕ ВСТРЕЧИ

*Б*ывают в жизни случайные встречи,
Которые людям, как воздух, нужны.
Ложатся они, как ладони, на плечи,
Сильные и непомерно нежны.
Я эти встречи храню, словно жемчуг.
Всюду по свету с собой их ношу,
И каждую неповторимую встречу
На ниточку памяти нанижу.
Новая встреча — мгновенье застынет,
Сердце, как птица, забьется сильнее,
Как хорошо, что на свете так много
Мне незнакомых прекрасных людей!

СЕВЕРНЫЕ РОЗЫ

Снежинки пляшут за окном
И в свете фонаря искрятся,
И грезы наполняют дом.
Мне северные розы снятся.
Белей, чем снег, светлее дня,
Нежнее кружева в сто крат,
Они, красы своей стесняясь,
В бутонах прячут аромат.
И так застенчиво краснеют
Их лепестки не склоне дня,
Что кажется, как будто свечи
Зажгла вечерняя заря.
Так иногда бывает — люди
Своею скромностью простой
Приворожить других умеют
Сильней, чем пышной красотой.

Любовь — это счастье, когда взаимна,
Любовь — страданье, когда не так.
Но где найти мне свою половину?
И есть ли в мире такой чудак?
Такой, чтоб меня среди всех заметил,
Такой, чтоб при встречах цветы дарил,
И чтобы веселый и вольный, как ветер
И нежный, как радуга, был.
И чтобы любил, как свою любит Розу
Маленький Принц на далекой звезде.
И чтобы умел он простую прозу
Поэзией делать всегда и везде.

МЕЧТЫ ВОСПИТАТЕЛЯ
(песня для капустника)

Утро туманное, утро седое...
Спит общежитие — не разбудить...
И воспитатель мечтает, чтоб вовремя
Всех-всех на пары препроводить,
Всех-всех на пары препроводить.
Дети бегут в столовку,
Им вроде немного надо,
Чтоб там бутерброд давали
И сок — всё равно, какой.
Волнуется воспитатель,
Чтоб всем и всего хватило,
Мечтает он, что дежурный
Появится сам собой.
Ночь тиха, уж скоро отбой,
А дети спать не хотят.
И с ноутбуком, как с верным другом,
Все в обнимку сидят.
И мечтает воспитатель,
Чтоб вовремя спать легли
И чтоб утром, как огурчик,
Все на урок пошли.
Да, все на урок пошли.

ПЕСЕНКА ДЛЯ АГ

*Г*де-то на белом свете отличная школа есть.
Там учатся вундеркинды, и наград не счастье.
Там дети живут в общеае, где двери чуть-чуть скрипят,
И где пирожки с сосиской в столовке все-все едят.
Ла-ла-ла-ла-ла-ла, АГ, я так люблю тебя! (2 раза)
Вставать надо ровно в восемь, но хочется так поспать,
Сегодня четыре пары, а может, и целых пять.
И носится воспитатель, пытается всех поднять.
И должен ещё заправить каждый свою кровать.
Ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла, АГ, я так люблю тебя!
Мы дружно живем в общеае, где мусор нельзя копить,
Где частые генуборки и запрет курить,
Где часто желудок просит вкусенького поесть.
Но жить в общежитии классно, в этом что-то есть!
Ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла, АГ, я так люблю тебя!

ПОКАЯНИЕ ВОСПИТАТЕЛЕЙ

(выпускникам общежития посвящается)

*П*ростите нас, что спать вам утром не давали,
А вечером насильно укладывали спать.
Простите, если недовоспитали
Иль не сумели перевоспитать.
Простите, если не всегда давали
Вам лишний сок и лишний бутерброд,
Но мы в душе надеялись и знали:
Путь к сердцу вашему лежит не сквозь живот.
Простите, если вы свои таланты
Из скромности смогли так закопать,
Что мы, разбившись в доску, не сумели
Их вовремя из-под земли достать.
Еще простите нас за то, что вас лечили,
Когда отсутствовали врач и медсестра,
И каждый вечер зуб на вас точили,

Когда в углу стояла мусора гора.
И когда вы в обнимку с ноутбуком
Сражались в контр-страйк или варкрафт,
А мы уроки заставляли делать
И отвязаться не могли от вас никак.
За всё, за всё нас, милые, простите,
И камни не спешите в нас бросать —
Ведь мы вас всех так искренне любили,
Как дай вам Бог любимыми всем стать!

ПРОЩАНИЕ С ВЫПУСКНИКАМИ
(на мотив песни Ю. Визбора «Милая моя»)

*В*сем нашим встречам разлуки, увы, суждены.
Годы промчались как вешние воды, как сны.
Школьная жизнь вдруг за месяцем месяц прошла.
Вот и закончилось всё, расставаться пора.
Припев: Помни, как в АГ жили — поживали,
Первую любовь здесь переживали,
Милые мои, после выпускного
Где, когда и с кем встретимся мы снова?
Крылья расправили, в дальний пустились полёт.
Много хорошего в жизни, надеюсь, вас ждёт.
И когда звёзды рукой вам удастся достать,
Не забывайте о нас иногда вспоминать.
Припев: Как вместе мы в АГ жили — поживали
Ссорились порой и переживали,
Милые мои, после выпускного
Где, когда и с кем встретимся мы снова?
Не утешайте меня, мне слова не нужны.
Мы растаемся, но звёзды к вам будут нежны.
Неповторимыми мы пожелаем вам стать,
Чтобы страна наша в мире могла процветать.
(припев)

Юрий Новосельский

Работник МХЧ

ПОКА ГОРИТ ЗЕЛЕНый СВЕТ

песня

1. Ты посмотрел тревожно вдаль
И улыбаться перестал.
Ты вдруг подумал, что устал,
И вдруг пришла к тебе печаль.
А ты шагай, а ты иди,
Пока горит зелёный свет,
Пока преград серьёзных нет
На непростом твоём пути.
А ты шагай, а ты иди,
Пока широк и светел путь,
И не мечтай с него свернуть,
И на свернувших не гляди.

П р и п е в:

Ты иди, не сворачивай,
На обочину не сходи.
Зря ты сил не растрачивай:
Жизнь прожить — не поле перейти.

(2 раза)

2. А ты не стой, а ты не жди,
Не наблюдай издалика,
Ведь жизнь и правда коротка,

А дел так много впереди.
А ты живи, а ты дыши,
Ты смело сердцу доверяй,
Ты даром время не теряй,
Но понапрасну не спеши.

П р и п е в 2-3 раза.

4 июля 2010–2012

МУХА В БАНКЕ

Я — всего лишь муха в банке.
В перевёрнутой, стеклянной.
Для меня весь мир — с изнанки,
Удивительный и странный.
Я сперва и не заметил,
Как я в банке очутился.
Помню солнце, помню ветер,
Помню, как летать учился...
Я судьбе в лицо смеялся,
Ждал грядущих дальних странствий...
А потом вдруг оказался
В этом замкнутом пространстве.
Долго я на месте ёрзал,
Нервно лапки потирая,
По стеклянным стенкам ползал,
Свой удел осозная.
Я так долго упивался
Безысходностью своею!
Я осознанно сдавался,
Унывая и слабя.
А теперь же всё иначе.
Я доволен: я летаю!
Я не жалею, не плачу,
Я о будущем мечтаю!
Ведь ещё совсем немного,

И я выберусь на волю!
Вы не смейтесь, ради Бога,
Я шутить вам не позволю!
Мне почти уже известно:
Ждать теперь — всего лишь малость...
Ну а банка, если честно,
Как была, так и осталась.

10 сентября — 17 декабря 2011

*М*не снилось: я в тесной каморке
Под самую крышей живу.
Повсюду леса и подпорки
И дыры в прогнившем полу.
И в этом жилище убогом
Порядок я свой навожу.
В каморке работы не много —
Я часто в окошко гляжу.
Унылый пейзаж наблюдаю
Из плена облупленных стен...
В то утро стоял у окна я,
На серое небо глядел.
Вдруг доски внизу заскрипели,
И всё задрожало кругом.
Обломки лесов полетели —
Стал рушиться старый мой дом.
И пол подо мной провалился,
Я сквозь этажи полетел
И мысленно с жизнью простился...
Но чудом остался я цел.
Как только внизу оказался,
Я в ужасе прочь побежал...
Я выжил! Я выжил! Я спасся!..
А дом мой в руинах лежал.

13 декабря 2006 — 12 ноября 2007

У это даже не стекло,
Почти невидимая плёнка.
Всё так прозрачно и так тонко,
Что тоньше быть и не могло.
В какой-то день, в какой-то час
Весь труд окажется напрасным,
А будет мир вокруг прекрасным,
Как в первый и последний раз.
И звон разбитого стекла
Здесь будет вместо эпилога,
За горизонт уйдёт дорога,
И зазвонят колокола.

2017 — 23 октября 2018

*В*сё встанет на свои места,
Но только будет слишком поздно.
А всё окажется серьёзно,
Тот небольшой процент из ста.
И объяснение всему
Тогда нечаянно найдётся,
Всё предсказуемо сойдётся
К истолкованию одному.
На удивление простой
Тогда покажется разгадка
В час наведения порядка
Пред заключительной чертой.

Февраль 2015

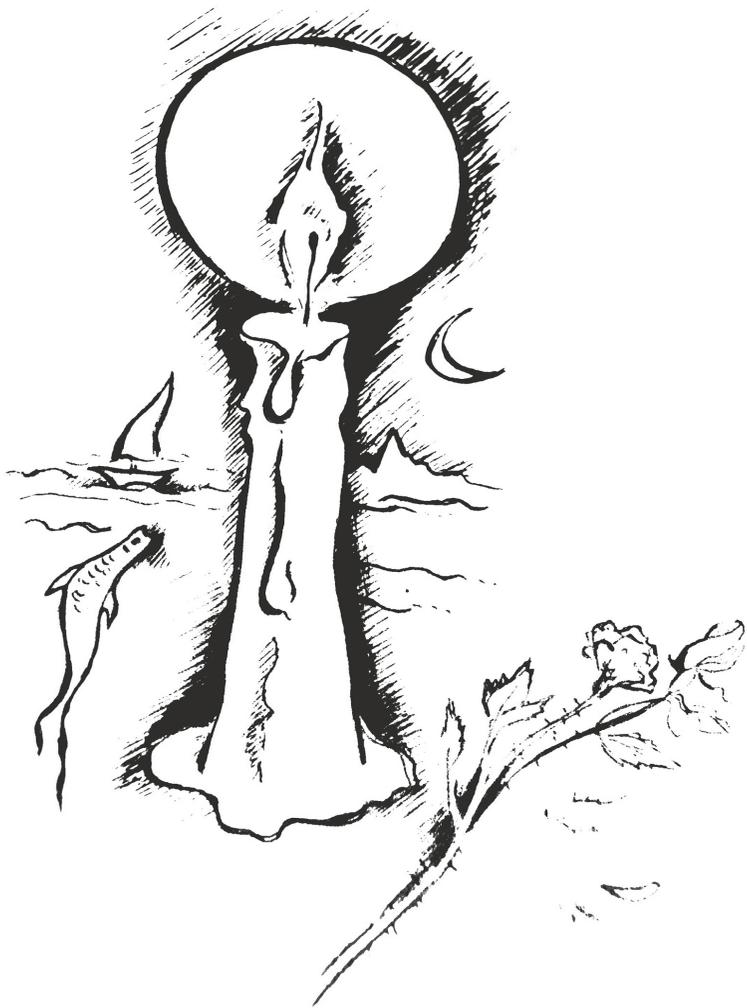
Эту тюрьму очень просто разрушить,
Вырваться просто из этого плена:
Серого цвета картонные стены,
Может быть, даже цветные снаружи.
Над головою картонные своды.
Эту тюрьму очень просто разрушить,
Но ещё проще безропотно слушать
Звуки чужой бесконечной свободы.
Там, за картоном, мечты и заботы,
Где-то рыдают, а где-то смеются,
И отовсюду они раздаются,
Звуки знакомые чьей-то свободы.
Можно всю жизнь их, наверное, слушать,
А самому ничего не добиться
И ни к чему никогда не стремиться,
Если однажды тюрьму не разрушить.

17-18 февраля 2009

СТИХИ,
ПОСВЯЩЕННЫЕ ПАМЯТИ
ГЕННАДИЯ КЕГЕЛЕСА

Памяти Геннадия Кегелеса

Призер двух всесоюзных олимпиад по математике, комсорг, спортсмен, скрипач и гитарист, Геннадий не раздумывая прыгнул в горную речку, пытаясь спасти свою учительницу Киру Александровну Муранову. На месте их гибели учащимися художественного училища им. Серова установлена памятная доска.

ПАМЯТЬ

Я не видел его...

Только слышал от тех,

Кто с ним вместе учился когда-то.

Перемена — и сквозь беготню и смех

На четвертый этаж, по лестнице, вверх

Школьного корпуса интерната.

Здесь зал, здесь стенд, портрет и цветы.

А где-то в горах, в частоколе вершин,

В колючем и злом лабиринте троп,

У подножья не пройденной высоты —

Есть памятник, прост и строг.

Не мало ли это? Не рано ль поставлена точка?

И может, не нужно, чтоб парни шестнадцати лет

Земле о себе оставляли пылающий след

И цифру 16 в гранитных надпамятных строчках?

Не спорьте в классах об этом: здесь много уюта

И здесь не понять, как важна у вершины минута.

Подсказок не ждите, в горы идите,

Там цену словам и поступкам ищите,
Живите и спорьте, а после поймите:
Цену каждого шага под зноем палящим,
Тропам, скользким от ливней, холодным и пенным,
Трущим плечи ремням и коленям дрожащим.
И сердцам, барабанившим от напряжения.
Там мохнатые скалы — в росистых расцветных пожарах,
Там любимые песни поют у костра под гитару,
И те, кто тогда поднимались с ним вместе,
Помнят, может, последнюю спетую песню?
Ту, которую пел он... Быть может, осталась она не допета?
Узнать бы, услышать, допеть бы... Но где там!
Когда на плечах — усталость дорог,
Жара, а от ливней до нитки промок —
В тень, отдохнуть бы, напиться воды.
Туманы к реке закрывают следы,
И вниз — без дороги. Проскальзывают ноги,
Там горная река гремит на порогах,
И шагом неверным взрывается миг.
И горы пронзил человеческий крик,
Ребята сидели, уставшие, вместе.
Он первый рванулся к реке, а потом —
Не знаю, о чем недопетая песня.
Она оборвалась последним прыжком...
Другие ж придут без потерь из похода:
Ужам никогда не страшна непогода...
Теперь позади — пусть немногие годы.
Не мало ли это? Не рано ль поставлена точка?
И может, не нужно, чтоб парни шестнадцати лет
Земле о себе оставляли пылающий след
И цифру 16 в гранитных надпамятных строчках
Не потому ли живущие живы,
Что кто-то, как он, амбразуру закрыл,
Несущую в мир смертоносные жилы
Горячего яда свинцовых бактерий?
Ладно! Войною много простреляно,
Подвигам были отпущены строки.
Теперь мы — на споры теряем уроки:

«Возможен ли подвиг в мирное время?»
А память — не букв золотых изгиб,
Не все на граните, но это не важно.
Живите до сотни, но помните каждый:
Я жив — может кто-то за это погиб!

1975 г. Анчуков Сергей

*Н*е звучать им, струнам каменной гитары.
Но живые знают: песни нет конца!
Даже горы, к жизни равнодушные и старые
Помнят парня с сердцем математика и голосом певца.
Крикни лишь на помощь где-нибудь невдалеке.
Далеко не каждый мог, спасая даже не мать или брата
Плюнуть в лицо взбесившейся реке.

1975 г. Тихонов А. 10Д класс

*О*н жил шестнадцать на Земле.
Но в нашей памяти он вечно будет жить.
И жизнь его для всех друзей
Была как огненная нить.
Да, я не знал его в лицо,
Я знал его лишь по рассказам,
Он ненавидел трусов, подлецов
И не любил пустые фразы
А если кто попал в беду,
Это ему не безразлично.
О нем я много расскажу:
Геннадий Кегелес — парень отличный!
Он бы надежным в трудный час,
Таким остался в памяти у нас.
Он с детства не любил овал,
Он с детства угол рисовал!

1975 г. Пименов В., Борзов С. 9Д класс

Печальный жребий совершился
Погиб чудесный человек
Под грозным ливнем закатился
Короткий, но прекрасный век.
Неистовствуя в бурной мгле,
Река играет с берегами.
И он, отдав себя волне,
Долг исполняя, погибает.
Быть может мне не суждено
Увидеть Твиберлы изгибы,
Но подвиг Гены все равно
В душе моей живет — не гибнет.

1977 г. Шахбазян Гаянэ, 8А класс

Что случилось летом
В синих горах Кавказа.
Никто не знал, что Твиберла
Его последняя фраза
Из этой горной речки
Живыми не выходят,
Но Геной руководили смелость
И чувство высокого долга.

1977 г. Денисова М. 8А класс

Я часто думаю о том,
Как жестоко устроен свет:
Погибает тот, кто так любит жизнь,
Остается в живых тот, кто — нет.
Погибает? — Нет!
Разве Гена ушел от нас?

Я не знала его, но
Как тогда — сейчас,
Как теперь — потом
Он со мной всегда и во всем.

1977 г. Жолудева Ольга 8Б класс

*Х*отя я его не видел
В жизни своей никогда,
Но в сердце моем остается
Память о нем навсегда.
Я знаю, был он отличный парень,
Действительно счастливо жил,
Но чтобы спасти человека
Он жизни не пощадил.

1977 г. Сергеев Сергей 8Б класс

*М*ир для него не был бледен.
Немного — шестнадцать лет.
Он жил, он любил, был весел
Книги Ленина читал, ка завет.
Но был он еще советским
Парнем. В шестнадцать лет
Он заслужил высокое право
Сказать о себе — Человек.
Но сам ничего он не скажет
Мы помним его жизнь-полет.
Это мы о нем сами скажем,
Он прожил целых шестнадцать лет.
Мы должны быть Гены достойны
Может быть, этот сонет
Зажжет в душах новые искры
Кому сейчас шестнадцать лет.

1977 г. Ральжан Д. 8Б класс

*Ш*естнадцать лет... —
Какой короткий срок!
Десятый класс, за ним неведомые дали...
Как иногда одно мгновение решает все,
Я думаю, решилась ли бы я, боюсь, что нет, едва ли...
Одно мгновение — раскрылась вся душа...
Он подвиг совершил,
А мы гордимся им,
Он очень жизнь любил —
К чему скорбеть! Он жив средь нас всегда!

1977 г. Барышева Марина 8Б класс

*Р*евек поток в ущелье между скал,
А над обрывом стройный пьедестал
Поддерживает памятник тому,
О ком здесь скажут лучшие слова.
В шестнадцать лет смотрели прямо
Твои большие, жизни полные глаза,
Но когда стало человеку плохо рядом,
Была протянута ему твоя рука...
Пусть ты погиб, но все, кто видел это,
И все, кто слышал это от других,
Не позабудут подвиг человека,
И имя сохраняют его в груди.

1977 г. Шишкин Игорь 8Б класс

*П*ылало солнце над горами,
Шумел громадный вал воды,
Когда в шестнадцать лет парнишка
Услышал крики от реки.

Памяти Геннадия Кегелеса

Боролся парень тот с лавиной
За жизнь иль смерть и до конца.
Так пусть его бесстрашный подвиг
У нас останется в сердцах!

1977 г. Абонитов Александр 8Б класс

*П*ускай я не был с ним знаком,
Но, кажется, он друг мне верный.
Я видел, как июльским днем
Он подвиг совершил бессмертный.
Мне кажется, его я знал,
Я с ним давно уж подружился,
В беде мне Гена помогал
И радостью со мной делился.
Да, Гена жив, он жив всегда!
И все такой же он сердечный.
Пускай бегут опять года,
Но Гена с нами будет вечно!

1977 г. Березовский Лева 10Г класс

*М*ы с тобой знакомы по рассказам
Кажется, знакомы мы давно.
Не был с злом в союзе ты ни разу.
Был со всем хорошим заодно.
Был ко всем внимателен и чуток,
Всем всегда старался ты помочь,
Если надо — приходил в любое время суток,
Не могла тебя вспугнуть глухая ночь.
Становилось всем с тобой светлее.
проходила грусть и утихала боль.
Был ты рядом — было всем теплее
И громадную играл для них ты роль.

И сейчас для нас такой же близкий друг ты,
Что-то делая, сверяем все с тобой,
Когда в жизни трудные минуты,
Чувствуешь тебя рядом с собой.

1977 г. Вдовина Людa 10Г класс

ПОСВЯЩАЕТСЯ ГЕРОЮ

*М*альчик играет лихую песню,
речка несет свои воды пресно,
слушать ребятам бы песню вечно,
Если б не страсть по глотку воды.
«Утихомирьтесь и не кричите», —
— добрая женщина, их учитель,
к речке идет, позабыв защиту, —
речка стирает ее следы.
Миг — и гитара летит об землю,
высшие силы, наверно, дремлют,
мальчик стрелою несет спасенье,
речка уносит его с собой.
Все, что являлось когда-то ценным,
продано меньше, чем за бесценок,
и воцарилась немая сцена;
в этот момент наступает сбой.
Сбой в мироздании и балансах,
в двух искрометных жизненных танцах
мнимый роман оборвался стансом,
где же витали глаза Творца?..
Время сжигает людей, как свечки,
рубит мечами и топит в речках,
только героев — увековечит,
так же
как этого
храбреца.

2010 г. Данилова Стефания

ЭХО. ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИК.
ВЫПУСК V

Подписано в печать 21.03.2024. Формат 60×84 $\frac{1}{16}$.
Усл. печ. л. 11,6. Тираж 300 экз. Заказ № .

Издательство Санкт-Петербургского университета.
199004, С.-Петербург, В.О., 6-я линия, 11.
Тел./факс +7(812)328-44-22
publishing@spbu.ru

publishing.spbu.ru

Типография Издательства СПбГУ. 199034, С.-Петербург, Менделеевская линия, д. 5.

